

Саксонские
хроники

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ГОРЯЩАЯ ЗЕМЛЯ

*В романах Бернарда Корнуэлла история поистине оживает.
Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»*

Саксонские хроники

Бернард Корнуэлл

Горящая земля

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Горящая земля / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус»,
2009 — (Саксонские хроники)

ISBN 978-5-389-13929-9

Конец IX века. Англию раздирают междоусобицы местных вождей, и в ее пределы вторгаются датчане. Король Альфред Уэссекский слишком слаб здоровьем, чтобы дать достойный отпор захватчикам; наследник же молод и неопытен. На помощь королю приходит Утред Беббанбургский со своим войском и выигрывает сражение. Враг повержен, но триумф Утрета омрачает трагедия. Он клянется никогда больше не служить короне, однако другая клятва связывает его с дочерью короля, прекрасной Этельфлэд... Пятый роман из цикла «Саксонские хроники».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13929-9

© Корнуэлл Б., 2009
© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

Королевская династия Уэссекса	6
Географические названия	7
Часть первая. Полководец	9
Глава первая	9
Глава вторая	11
Глава третья	27
Глава четвертая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Бернард Корнуэлл

Горящая земля

Bernard Cornwell

THE BURNING LAND

Copyright © 2010 by Bernard Cornwell

All rights reserved

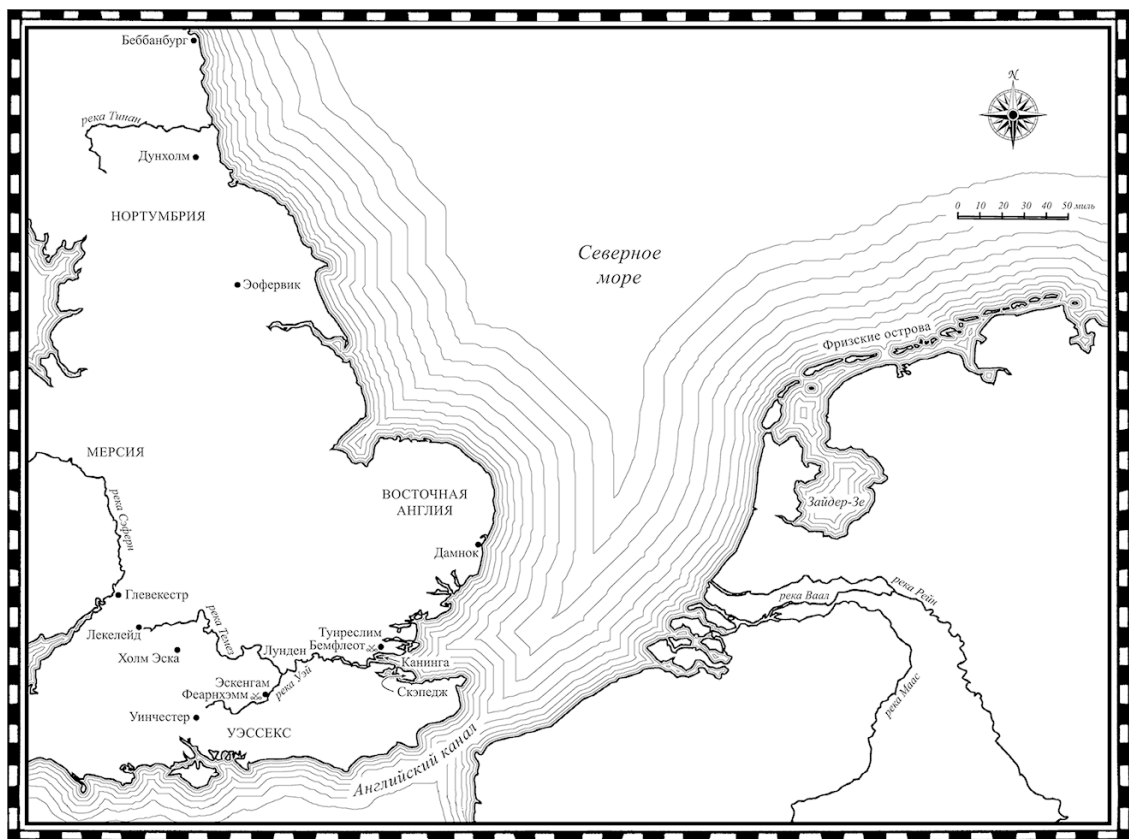
© А. Овчинникова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

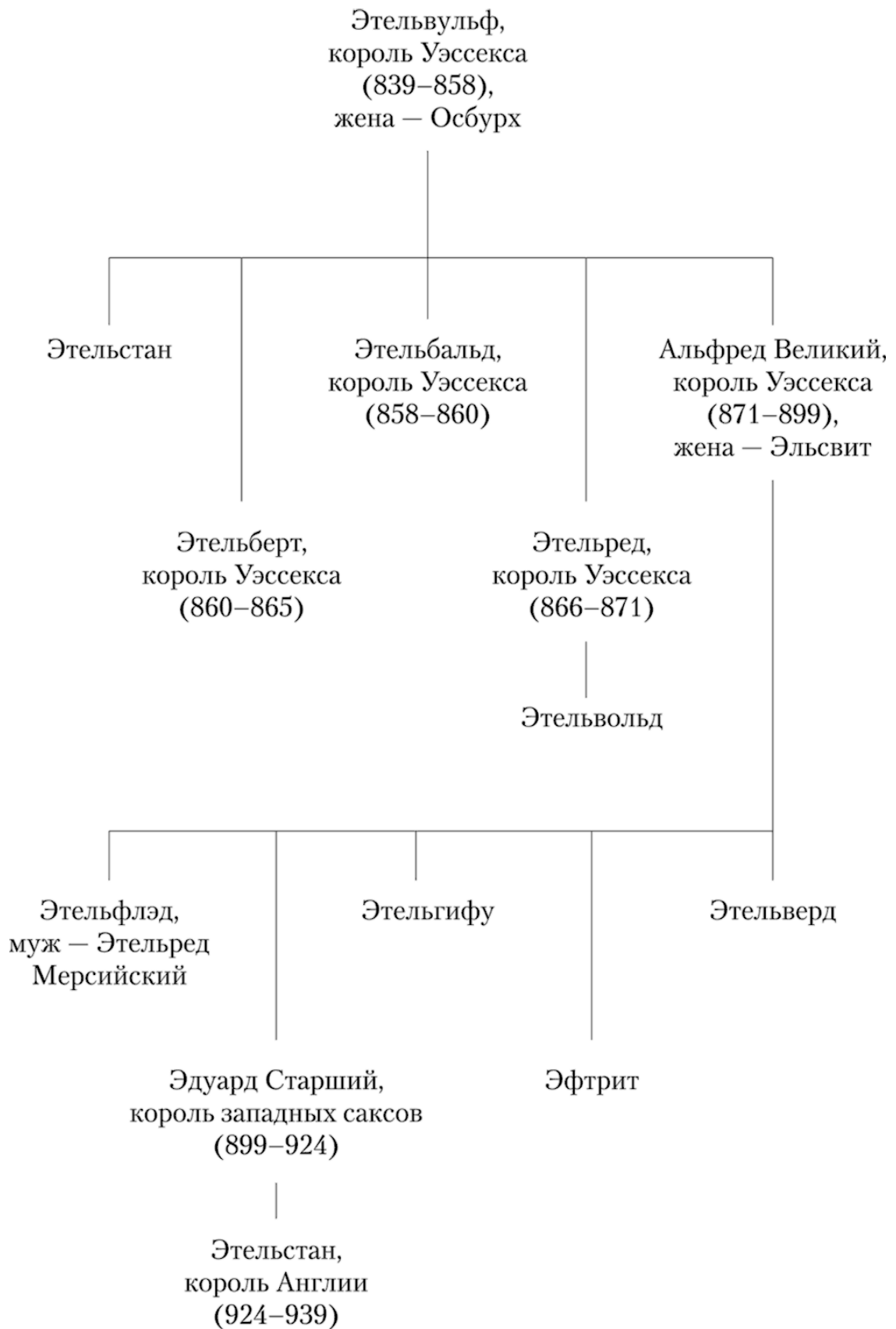
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Алану и Джейн Раст



Королевская династия Уэссекса



Географические названия

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разнообразием, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденном, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом. Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я, как правило, принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий» или «Кембриджским словарем английских географических названий». В упомянутых словарях приводятся написания, относящиеся примерно к годам правления Альфреда – 871–899 годам н. э., но даже это не решает проблемы. К примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге» и «Хаэглингейте». Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства. Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

Беббанбург – замок Бамбург, Нортумберленд

Бемфлеот – Бенфлит, Эссекс

Вилтунскир – Уилтшир

Винтанкестер – Уинчестер, Хэмпшир

Глевекестр – Глостер, Глостершир

Годелмингам – Годамминг, Суррей

Грантакастер – Кембридж, Кембриджшир

Дамнок – Данвич, Суффолк (теперь почти полностью ушел под воду)

Дефнаскир – Девоншир

Дунхолм – Дарем, графство Дарем

Зегге – вымышленный фризский остров

Иппи – Эппинг, Эссекс

Истсекс – Эссекс

Канинга – остров Канвей, Эссекс

Кент – Кент

Лекелейд – Лечлейд, Глостершир

Ликкелфилд – Личфилд, Стаффордшир

Линдисфарена – Линдисфарн (Священный Остров), Нортумберленд

Лунден – Лондон

острова Фарнеа – острова Фарн, Нортумберленд

Силкестр – Силчестер, Хэмпшир

Скэпедж – остров Шеппи, Кент

Суморсэт – Сомерсет

Сутриганаворк – Саутуарк, Большой Лондон

Сэферн – река Северн

Темез – река Темза

Тинан – река Тайн

Торней – остров Торни, в настоящее время не существует – он лежал рядом со станцией Лондонского метрополитена «Западный Драйтон» у аэропорта Хитроу

Твид – река Твид

Тунреслим – Тандерсли, Эссекс

Уиск – река Эск
Феарнхэм – Фарнхэм, Суррей
Фугхелнесс – остров Фаулнес, Эссекс
Хайтабу – Хедебю, город на юге Дании
Хамбр – река Хамбер
Хвеалф – река Крауч, Эссекс
Холм Эска – Эшдон, Беркшир
Хотледж – река Хадлей, Эссекс
Хочелейя – Хокли, Эссекс
Хэтлей – Хедлей, Эссекс
Эксанкестер – Эксетер, Девоншир
Эоффервик – Йорк
Эскенгам – Эшинг, Суррей
Этандун – Эдингтон, Уилтшир
Этелингаэг – Ателней, Сомерсет

Часть первая. Полководец

Глава первая

Не так давно я заезжал в один монастырь. Забыл, где именно, помню только – он находится там, где некогда была Мерсия. Дожливым зимним днем я ехал домой с дюжиной людей, и все мы нуждались в крове, еде и тепле. Но монахи повели себя так, будто у их ворот объявилась банда норманнов.

Еще бы – у стен их монастыря стоял Утред Беббанбургский, а репутация моя такова, что монахи ожидали кровавой резни. В конце концов мне удалось им втолковать, что мне просто нужны хлеб, сыр, если он есть, и эль. А в подтверждение своих слов я швырнул на пол деньги:

– Хлеб, сыр, эль и теплая постель. Больше ничего!

На следующий день хлестал такой дождь, будто наступал конец света. Пришлось ждать, пока ветер и ливень не стихнут.

Я бродил по монастырю и очутился в сыром коридоре, где три несчастных с виду монаха копировали манускрипты. За ними присматривал монах постарше – донельзя надутый, седовласый, с кислым лицом. Поверх обычной одежды он набросил меховую накидку и держал кожаную плетть, которой, без сомнения, поддерживал трудолюбие трех писцов.

– Им нельзя мешать, господин, – осмелился пожуричь он меня.

Этот монах сидел на табурете рядом с жаровней, тепло которой не добиралось до трех писак.

– Отхожее место не вылизано дочиста, – бросил я, – а тебе, похоже, нечем заняться.

После этого старший монах замолчал, а я взглянул на работу перемазанных чернилами монахов. Один из них – юноша с дряблым лицом, толстыми губами и еще более толстым зобом – переписывал Житие святого Киарана. Речь там шла о том, как волк, барсук и лиса помогли построить церковь в Ирландии. Если молодой монах верил в подобную чепуху, он был еще большим дураком, чем выглядел.

Второй занимался мало-мальски полезным делом, копируя акт безвозмездной передачи земель. Хотя бумага эта, наверное, была чистейшей подделкой. В монастырях всегда находились доки по части выдумывания старых актов передачи земель, они доказывали, что какой-то древний полузабытый король пожаловал церкви богатое поместье. Таким образом они заставляли законных собственников или уступить землю, или заплатить огромные откупные деньги. Один раз даже попытались проделать то же самое и со мной. Священник принес мне документы, я помочился на них, а потом расставил на упомянутой земле двадцать воинов с мечами и послал весточку епископу – пусть придет и возьмет эту землю, когда пожелает. Он так и не пришел.

Люди рассказывают своим детям, что путь к успеху коренится в тяжком труде и бережливости, но это такая же чепуха, как и предположение, что барсук, лиса и волк могли построить церковь. Путь к богатству заключается в том, чтобы стать христианским епископом или аббатом монастыря и заручиться разрешением Небес лгать, жульничать и красть твоё имущество.

Третий молодой человек копировал хронику. Я отодвинул в сторону его перо, чтобы увидеть текст.

– Ты умеешь читать, господин? – спросил старый монах.

Он задал вопрос самым невинным тоном, но нельзя было не заметить его сарказма.

– «В этом году, – прочел я вслух, – язычники снова явились в Мерсию, с огромным войском – орда, невиданная доселе. И они разорили все земли, причинив великое горе божьим людям, которые, милостью Господа нашего Иисуса Христа, были спасены лордом Этельредом

Мерсийским. Он явился со своей армией к Феарнхэмму, в каковом месте полностью уничтожил язычников».

Я потыкал пальцем в текст.

– В каком году это случилось? – уточнил я у переписчика.

– В восьмьсот девяносто втором году Господа нашего, – нервно пробормотал тот.

– Итак, что же это такое? – спросил я, щелкнув по листам пергамента, с которых он снимал копию.

– Это «Анналы», – ответил за молодого старший монах. – «Анналы Мерсии». Существует единственная копия, господин, и мы снимаем еще одну.

Я снова посмотрел на только что переписанную страницу.

– Этельред спас Уэссекс? – негодуя спросил я.

– Так и было, – ответил старый монах. – С помощью Господа.

– Господа? – прорычал я. – Это было сделано с моей помощью! Я сражался в той битве, а не Этельред!

Никто из монахов не пикнул. Они просто тарасились на меня.

Один из моих людей подошел к концу коридора и прислонился к стене, с ухмылкой на щербатом лице.

– Я был при Феарнхэмме! – заорал я.

Потом схватил единственную копию «Анналов Мерсии» и перевернул негнувшиеся страницы. Этельред, Этельред, Этельред – и ни единого упоминания об Утреде, почти не упоминается Альфред, – нет, Этельред, один Этельред.

Я перевернул страницу, на которой рассказывалось о событиях после сражения в Феарнхэмме.

– «И в этом году, – прочитал я вслух, – с Божьей помощью господин Этельред и этелинг Эдуард повели людей Мерсии в Бемфлеот, где Этельред взял огромную добычу и учинил великое избиение язычников».

Я уставился на старого монаха:

– Этельред и Эдуард возглавляли ту армию?

– Так здесь сказано, господин.

Он говорил тревожно, его прежнее вызывающее поведение исчезло без следа.

– Я их возглавлял, ты, ублюдок! – Я схватил скопированные страницы и бросил их в жаровню.

– Нет! – запротестовал старший монах.

– Они лгут, – отрезал я.

Он умиротворяющим жестом поднял руку.

– Эти записи, господин, – робко объяснил он, – собирались и хранились в течение сорока лет. Они – история нашего народа! И это – единственная копия!

– Они лгут, – повторил я. – Я там был. Я был на холме у Феарнхэмма и во рву у Бемфлеота. А где тогда был ты?

– Я был всего лишь ребенком, господин.

Он издал вопль ужаса, когда я швырнул оригинал «Анналов» в жаровню. Монах попытался спасти пергаменты, но я отбросил его руку.

– Я там был, – повторил я, глядя на чернеющие листы, которые скручивались и потрескивали; потом страницы охватил яркий огонь. – Я был там.

– Сорок лет работы! – в отчаянии воскликнул старый монах.

– Если хочешь знать, что тогда произошло, приходи ко мне в Беббанбург, и я расскажу тебе правду.

Монахи так и не пришли. Конечно же не пришли.

Но я был у Феарнхэмма – как раз это и стало началом всей истории.

Глава вторая

Утро, и я снова молод, и море мерцает розовым цветом и серебром под завитками тумана, прячущего берега. На юг от меня лежит Кент, на север – Восточная Англия, позади – Лунден, а впереди поднимается солнце, чтобы позолотить несколько маленьких облачков, протянувшихся по яркому рассветному небу.

Мы находились в устье Темеза. Мой корабль «Сеолфервульф» был недавно построен и протекал, как все новые корабли. Мастера-фризы сделали его из дубовой древесины, непривычно светлой, отсюда и его имя – «Серебряный волк». За мной шел «Кенелм», названный Альфредом в честь какого-то убитого святого, и «Дракон-мореплаватель» – судно, захваченное нами у датчан. «Дракон-мореплаватель» был красивым, построенным так, так умеют строить только датчане. Гладкий корабль-убийца, послушный в управлении, но смертельно опасный в битве.

«Сеолфервульф» тоже был красив: с длинным килем, с широкими бимсами и высоким носом. Я сам заплатил за него золотом корабельщикам и наблюдал, как его шпангоуты растут, как обшивка обтягивается кожей, как его гордый нос поднимается над стапелем. На носу скалилась волчья голова, вырезанная из дуба и раскрашенная белым, с красным висящим языком, красными глазами и желтыми клыками.

Епископ Эркенвальд, правивший Лунденом, выбрал меня, сказав, что я должен был назвать корабль именем какого-нибудь мягкотелого христианского святого. Он преподнес мне распятие, желая, чтобы я прибил его к мачте «Сеолфервульфа», но я сжег деревянного бога и его деревянный крест, смешал пепел с раздавленными яблоками и накормил смесью двух своих сыновей. Я поклонялся Тору.

Тогда, в то далекое утро, когда я все еще был молод, мы гребли на восток по розовато-серебряному морю. Нос моего судна с волчьей головой украшала дубовая ветвь с густой листвой, чтобы продемонстрировать: мы не собираемся причинять зла своим врагам, хотя мои люди носили кольчуги, имели щиты и держали оружие поблизости. Финан, мой главный помощник, сидел на корточках рядом со мной на рулевой площадке и, забавляясь, дразнил отца Виллибальда, который слишком много болтал.

– Господин Утред, другие датчане приняли милость Христову, – сказал священник.

Он нес подобную чепуху с тех пор, как мы оставили Лунден, но я терпел, потому что мне нравился Виллибальд. Он был полным рвения, трудолюбивым и жизнерадостным человеком.

– С Господней помощью, – продолжал он, – мы озарим этих язычником светом Христа!

– Почему датчане не посылают к нам своих миссионеров? – спросил я.

– Бог этого не допускает, господин, – ответил Виллибальд.

Его товарищ, священник, чье имя я давно позабыл, рьяно кивнул в знак согласия.

– Может, у них есть дела поважнее? – предположил я.

– Если у датчан имеются уши, чтобы слышать, – заверил Виллибальд, – они примут послание Христа с радостью и весельем!

– Ты – дурак, отец, – ласково бросил я. – Знаешь ли ты, скольких миссионеров Альфреда уже убили?

– Мы все должны быть готовы к мученичеству, господин, – отозвался Виллибальд, хотя теперь голос его звучал тревожно.

– Священникам вспороли животы, – задумчиво проговорил я, – выдавили им глаза, отрезали яйца и вырвали языки. Помнишь монаха, которого мы нашли у Иппи? – обратился я к Финану.

Финан бежал из Ирландии и считался христианином, хотя его религия была настолько перепутана с мифами, что в ней с трудом распознавалась та вера, которую проповедовал Виллибальд.

– Как умер тот бедняга? – спросил я.

– С бедолаги живьем содрали кожу, – отозвался Финан.

– Начиная с пальцев ног?

– Просто медленно ее снимая, – подтвердил Финан. – И наверное, на это ушли часы.

– Они ее не снимали, – уточнил я. – Ты не можешь освежать человека, как ягненка.

– Верно, – согласился Финан. – С человека кожу приходится сдирать рывками. Для этого требуется много сил!

– Он был миссионером, – обратился я к Виллибальду.

– И к тому же благословенным мучеником, – жизнерадостно добавил Финан. – Но датчане, наверное, заскучили, потому что в конце концов прикончили его. Опробовали на его животе пилу, которой пилят деревья.

– А мне кажется, это был топор, – усомнился я.

– Нет, то была пила, господин, – ухмыляясь, стоял на своем Финан. – С жестокими большими зубьями. Она разорвала его пополам, вот так-то.

Отец Виллибальд, который постоянно страдал морской болезнью, шатаясь, направился к борту.

Мы повернули корабль на юг.

Устье Темеза – предательское место отмелей и сильных приливов, но я патрулировал эти воды уже пять лет и почти не нуждался в том, чтобы посматривать на метки на берегу, когда мы шли на веслах к берегу Скэпеджа. Там, впереди, между двумя вытасченными на берег судами, ожидали враги. Датчане. Человек сто, а может, и больше – все в кольчугах, шлемах, с блестящим оружием.

– Можно перерезать всю команду, – заметил я Финану. – У нас для этого достаточно людей.

– Мы же согласились явиться с миром! – запротестовал отец Виллибальд, вытирая губы рукавом.

Итак, мы явились с миром.

Я приказал «Кенелму» и «Дракону-мореплавателю» остаться у топкого берега, а «Сеолфервулфа» мы вывели на покатуую илистую отмель между двумя датскими судами.

Нос «Сеолфервулфа» издал шипящий звук, когда судно замедлило ход и остановилось. Теперь оно прочно сидело на земле, но начинался прилив, поэтому некоторое время судно будет в безопасности.

Я прыгнул с носа корабля, с плеском уйдя в глубокий мокрый ил, и побрел к твердой земле, где ожидали наши враги.

– Мой господин Утред, – приветствовал меня вожак датчан.

Он ухмыльнулся и широко раскинул руки. То был коренастый золотоволосый человек с квадратной челюстью. Борода заплетена в пять толстых кос, украшенных серебряными пряжками, предплечья блестели от золотых и серебряных браслетов, пояс, с которого свисал меч с широким лезвием, тоже украшало золото. Датчанин выглядел удачливым воином – и был им; и что-то в его открытом лице заставляло его казаться достойным доверия... А вот доверия как раз он и не был достоин.

– Я так счастлив видеть тебя, – сказал он, все еще улыбаясь. – Мой старый дорогой друг!

– Ярл Хэстен, – отозвался я, именуя его титулом, которым он любил называться, хотя, с моей точки зрения, Хэстен был всего лишь пиратом.

Мы были знакомы много лет. Однажды я спас ему жизнь, как оказалось – зря. С того самого дня я то и дело пытался его убить, но он всегда ухитрялся ускользнуть. Пять лет назад

Хэстен сбежал от меня, и с тех пор доходили слухи, что он совершает набеги вглубь Франкии. Он накопил там серебра, обрюхатил свою жену еще одним сыном и набрал сподвижников. А теперь привел восемь кораблей в Уэссекс.

– Я надеялся, что Альфред пошлет именно тебя, – сказал Хэстен, протягивая руку.

– Если бы Альфред не приказал мне явиться с миром, – ответил я, принимая его руку, – я бы уже снес тебе голову с плеч.

– Ты много лаешь. – Хэстен забавлялся. – Но чем сильнее шавка лает, господин, тем слабее она кусает.

Пришлось спустить ему это. Я прибыл сюда не для того, чтобы сражаться, а выполняя приказ Альфреда: король повелел мне доставить к Хэстену миссионеров. Мои люди помогли сойти на берег Виллибальду и его товарищу, и эти двое подошли и встали рядом со мной, нервно улыбаясь.

Оба священника говорили по-датски, поэтому выбрали именно их. А еще я привез Хэстену послание и драгоценные дары, но тот притворился равнодушным и настаивал на том, чтобы я проводил его в лагерь, прежде чем возьмет подарки Альфреда.

Скэпедж не был главным укреплением Хэстена; основное находилось на некотором расстоянии отсюда к востоку. Именно там на берег вытащили восемь его кораблей, их защищала только что возведенная крепость. Хэстен не хотел приглашать меня в ту твердыню, поэтому настоял, чтобы посланники Альфреда встретились с ним среди пустошей Скэпеджа, который даже летом представлял собой скопище луж, болотной травы и темных топей.

Хэстен появился здесь два дня назад и соорудил грубое укрепление, окружив клочок земли повыше стеной из перепутанных кустов. Внутри возвел два шатра из парусов.

– Перекусим, господин, – царственно пригласил он, указав на сооруженный из козлов стол и дюжину табуретов вокруг него.

Меня сопровождали Финан, еще два воина и оба священника. Впрочем, Хэстен настаивал на том, что священники не будут сидеть за столом.

– Я не доверяю христианским колдунам, – объяснил он, – поэтому они посидят на земле.

Еда состояла из вареной рыбы и твердого, как камень, хлеба, поданных полуголыми рабынями не старше четырнадцати-пятнадцати лет; все они были саксонками.

Хэстен унижал девушек, провоцируя меня, и наблюдал за моей реакцией.

– Они из Уэссекса? – уточнил я.

– Конечно нет, – ответил он, притворяясь, будто мой вопрос его оскорбил. – Я захватил их в Восточной Англии. Хочешь одну из них, господин? Вот у этой, маленькой, груди твердые, как яблоки!

Я спросил у девушки, чьи груди были словно яблоки, где ее взяли в плен, но она только молча покачала головой, слишком испуганная, чтобы ответить. Затем налила мне эля, подслащенного ягодами.

– Откуда ты? – снова спросил я ее.

Хэстен посмотрел на девушку, задержав взгляд на ее груди.

– Ответь господину, – велел он по-английски.

– Не знаю, господин, – отозвалась девушка.

– Из Уэссекса? – требовательно спросил я. – Из Восточной Англии? Откуда?

– Из деревни, господин. – Это все, что она знала.

Я махнул рукой, отсылая ее прочь.

– Твоя жена здорова? – поинтересовался Хэстен, наблюдая, как девушка уходит.

– Здорова.

– Я рад, – довольно убедительно ответил он.

Потом его пронизательные глаза зажглись весельем.

– Итак, твой хозяин передал мне послание? – Капая себе на бороду, Хэстен отправил ложкой в рот рыбный бульон.

– Ты должен покинуть Уэссекс, – сказал я.

– Я должен покинуть Уэссекс!

Хэстен притворился потрясенным. Он махнул в сторону пустынных болот:

– Господин, как человек может захотеть оставить все это?

– Ты должен покинуть Уэссекс, – упрямо повторил я. – Дать согласие не вторгаться в Мерсию, послать моему королю двух заложников и принять его миссионеров.

– Миссионеров!

Хэстен ткнул в меня вырезанной из рога ложкой:

– А вот этого ты не можешь одобрить, господин Утред! Ты, по крайней мере, поклоняешься истинным богам.

Он повернулся на табурете и уставился на двух священников:

– Может, я их убью.

– Сделай это, – бросил я, – и я высосу глаза из твоих глазниц.

Он услышал в моем голосе яд, и это его удивило. В его взгляде мелькнуло отвращение, но голос остался спокойным.

– Ты стал христианином?

– Отец Виллибальд – мой друг, – пояснил я.

– Так бы сразу и сказал, – пожурил меня Хэстен. – Тогда бы я не отпустил такую шутку. Конечно, они будут жить. Пусть даже проповедуют, все равно ничего не добьются. Итак, Альфред велит мне увести корабли.

– Увести их далеко отсюда.

– Но куда? – с притворной наивностью спросил Хэстен.

– Может, во Франкию?

– Франки заплатили мне за то, чтобы я оставил их в покое. Они даже построили нам корабли, чтобы мы поскорее отплыли! Альфред построит нам корабли?

– Ты должен покинуть Уэссекс, – упрямо твердил я. – Ты должен оставить Мерсию в покое, ты должен принять миссионеров и должен дать Альфреду заложников.

– А! – воскликнул Хэстен. – Заложников.

Несколько биений сердца он пристально смотрел на меня, потом, казалось, забыл про заложников и махнул в сторону моря:

– И куда же нам отправиться?

– Альфред молится, чтобы ты оставил Уэссекс, а куда ты отправишься – твоя забота. Но постарайся отправиться куда-нибудь подальше, туда, где тебя не достанет мой меч.

Хэстен засмеялся:

– Твой меч, господин, ржавеет в ножнах.

Он ткнул большим пальцем через плечо.

– Уэссекс горит, – с наслаждением продолжил он, – а Альфред позволяет тебе спать.

Он был прав.

Далеко на юге, затуманивая летнее небо, горели погребальные костры дюжины или больше разоренных деревень – и то были лишь струйки дыма, которые я видел. Я знал, что на самом деле их куда больше.

Восточный Уэссекс грабили, и, вместо того чтобы попросить моей помощи в изгнании захватчиков, Альфред приказал мне оставаться в Лундене, чтобы защитить от нападения город.

Хэстен ухмыльнулся:

– Может, Альфред полагает, что ты слишком стар, чтобы сражаться, господин?

Я не ответил на насмешку.

Вспоминая те годы, думаю, что был тогда молод, хотя мне, пожалуй, исполнилось уже тридцать пять или тридцать шесть. Большинство мужчин просто не живут так долго, но мне повезло. У меня ничуть не убавилось силы и умения владеть мечом. Хотя я слегка прихрамывал из-за старой боевой раны, зато имел самое главное достояние воина: репутацию. Но Хэстен чувствовал, что свободно может меня задирать, потому что я пришел к нему в качестве просителя.

Я пришел как проситель, поскольку датские флотилии высадились в Кенте, самой восточной части Уэссекса. У Хэстена имелся небольшой флот, и пока этот датчанин довольствовался тем, что строил укрепление и совершал набеги, чтобы обеспечить себя едой и рабами, и только. Он даже позволял кораблям входить в Темез, не нападая на них. Хэстен не хотел сражаться с Уэссексом, потому что ждал, что произойдет на юге, где причалила армада викингов.

Ярл Харальд Кровавые Волосы привел более двухсот кораблей. Его армия ворвалась в недостроенный бург и перебила местных. А теперь его воины рассыпались по Кенту, поджигая и убивая, захватывая в рабство и грабя. Именно люди Харальда запятнали небо дымом.

Альфред пытался противостоять захватчикам. Король теперь был стар и еще более нездоров, чем прежде, поэтому войсками командовали его зять, лорд Этельред из Мерсии, и этелинг Эдуард, старший сын короля.

И они ничего не сделали. Разместили своих людей на огромном лесистом кряже в центре Кента, откуда могли бы наносить удары по армии Хэстена на севере и по армии Харальда на юге. Да так и остались там, по-видимому боясь, что, если нападут на одну из датских армий, вторая атакует их с тыла.

Альфред, убежденный, что враги его слишком сильны, послал меня уговорить Хэстена покинуть Уэссекс. Хотя, на мой взгляд, король должен был приказать повести на датчанина мой гарнизон, позволить пропитать болота датской кровью. Вместо этого мне было велено подкупить Хэстена. Альфред думал, что, если тот уйдет, королевская армия сможет справиться с дикими воинами Харальда.

Хэстен поковырял в зубах колючкой и в конце концов вытащил застрявший там кусочек рыбы.

– Почему твой король не нападает на Харальда?

– А тебе бы хотелось, чтобы он напал, – отозвался я.

Хэстен ухмыльнулся.

– Если Харальд уйдет, – признался он, – и эта его мерзкая шлюха вместе с ним, ко мне присоединится много воинов.

– Мерзкая шлюха?

Хэстен ухмыльнулся, довольный, что знает то, чего не знаю я, затем снова посерьезнел.

– Скади¹, – уныло произнес он.

– Жена Харальда?

– Его женщина, его сука, его любовница, его колдунья.

– Никогда о ней не слышал.

– Услышишь, – пообещал Хэстен. – И если ты увидишь ее, мой друг, ты ее захочешь. Но она приколотит твою голову к фронтому своего дома, если сможет.

– Ты ее видел? – спросил я, и Хэстен кивнул. – Ты ее хотел?

– Харальд – порывистый человек, – вместо ответа проговорил Хэстен. – А из-за подстрекательства Скади отупеет. И когда это произойдет, многие из его людей будут искать себе нового господина.

Хэстен хитро улыбнулся:

– Дай мне еще сотню кораблей, и я смогу стать королем Уэссекса, не пройдет и года.

¹ Скади – в скандинавской мифологии богиня охоты, великанша.

– Я передам Альфреду твои слова, – ответил я, – и, может быть, это убедит его атаковать тебя первым.

– Он не атакует, – уверенно возразил датчанин. – Если двинется против меня, то тем самым позволит людям Харальда рассыпаться по всему Уэссексу.

Это была правда.

– Так почему бы ему не атаковать Харальда? – спросил я.

– Ты знаешь ответ.

– Скажи мне.

Он помедлил, раздумывая, открывать ли все, что ему известно, но не смог воспротивиться искушению блеснуть своей осведомленностью. С помощью шипа Хэстен провел линию на деревянном столе, потом нарисовал круг, разделенный этой линией.

– Это Темез, – сказал он, постучав по черте. – Лунден. – Хэстен показал на круг. – У тебя в Лундене тысяча человек, а позади, – датчанин ткнул выше Лундена, – у господина Алдхельма пять сотен мерсийцев. Если Альфред нападет на Харальда, ему нужно будет, чтобы люди Алдхельма и твои люди отправились на юг, а это оставит Мерсию открытой для атаки.

– И кто же атакует Мерсию? – невинно поинтересовался я.

– Датчане Восточной Англии? – так же невинно предположил Хэстен. – Все, что им нужно, – это храбрый вождь.

– Наше соглашение категорически запрещает тебе вторгаться в Мерсию.

– Так и есть, – с улыбкой ответил Хэстен, – только мы еще его не заключили.

* * *

Но мы все-таки его заключили. Мне пришлось уступить «Дракона-мореплавателя» Хэстену, а во чреве корабля стояли четыре окованных железом сундука, полных серебра. Такова была цена соглашения.

Взамен на корабль и серебро Хэстен пообещал оставить Уэссекс и не обращать внимания на Мерсию. Он также согласился принять миссионеров и дал мне в качестве заложников двух мальчиков. Заявил, что один из мальчишек – его племянник, и это могло быть правдой. Второй мальчик был помладше, одет в тонкий лен и носил роскошную золотую брошь. Красивый парнишка с блестящими светлыми волосами и тревожными голубыми глазами. Хэстен встал за спиной мальчика и положил руки на его узкие плечи.

– Это, господин, – с притворным благоговением произнес он, – мой старший сын Хорик. Я даю его тебе в заложники.

Хэстен помолчал и как будто шмыгнул носом, борясь со слезами.

– Я даю его тебе в заложники, господин, в знак своей доброй воли, но умоляю тебя приглядывать за мальчиком. Я очень его люблю.

Я посмотрел на Хорика:

– Сколько тебе лет?

– Ему семь, – отозвался Хэстен, похлопав Хорика по плечу.

– Дай ему ответить самому, – настойчиво проговорил я. – Так сколько тебе лет?

Мальчик издал горловой звук, и Хэстен присел на корточки, чтобы его обнять.

– Он глухонемой, господин Утред, – пояснил Хэстен. – Боги решили, что сын мой должен быть глухонемым.

– Боги решили, что ты должен быть лживым ублюдком, – ответил я, но тихо, чтобы люди Хэстена не слышали и не оскорбились.

– А если даже и так? – забавляясь, спросил он. – Что с того? И если я говорю, что этот мальчик – мой сын, кто докажет обратное?

– Ты оставишь Уэссекс? – уточнил я.

– Я выполню наш договор, – пообещал он.

Пришлось притвориться, будто верю ему.

Я сказал Альфреду, что Хэстену нельзя доверять, но король был в отчаянии. Старик понимал, что в недалеком будущем его ждет могила, и хотел избавить Уэссекс от ненавистных язычников.

Поэтому я заплатил серебро, взял заложников и под темнеющим небом пошел на веслах обратно к Лундену.

* * *

Лунден построили там, где земля поднималась от реки гигантскими ступенями. Терраса шла за террасой; на верхней римляне возвели самые грандиозные здания. Некоторые из них еще стояли, хотя и пришли в печальный упадок. Их залатали с помощью плетней, и, как парша, их облепили крытые тростником и соломой хижины, сооруженные саксами.

В те дни Лунден был частью Мерсии, хотя Мерсия походила на великие римские здания: наполовину павшая, она была покрыта, как паршой, датскими ярлами, которые селились на ее плодородных землях.

Мой кузен Этельред являлся главным олдерменом Мерсии. Предполагалось, что он – ее правитель, но его держал на коротком поводке Альфред Уэссекский, который ясно дал понять, что Лунден контролируют его люди. Я командовал местным гарнизоном, в то время как епископ Эркенвальд правил всем остальным. В наши дни, конечно, он известен как Святой Эркенвальд, но я помню его как угрюмого проныру.

Надо отдать ему должное – он был умелым человеком и хорошо управлял городом, но его чистейшая ненависть ко всем язычникам сделала его моим врагом. Я поклонялся Тору, поэтому Эркенвальд считал меня злом, но и обойтись без меня не мог. Я был воином, защищавшим его город, язычником, сдерживавшим языческих варваров-датчан уже более пяти лет, человеком, сделавшим земли вокруг Лундена безопасными, благодаря чему Эркенвальд мог взимать свои налоги.

Я стоял на ступеньке лестницы римского здания на самой верхней террасе Лундена с епископом Эркенвальдом по правую руку. Епископ был гораздо ниже меня. Большинство мужчин были гораздо ниже меня, и все-таки мой рост его раздражал. Группа встревоженных священников, с бледными лицами, перепачканными чернилами, собралась на ступенях под нами, в то время как Финан, мой ирландский воин, стоял слева от меня. Все мы пристально смотрели на юг.

Мы видели мешанину соломенных и черепичных крыш Лундена, множество приземистых башен церквей, построенных Эркенвальдом. Над ними в теплом воздухе кружили красные коршуны, а еще выше я видел первых гусей, летящих на юг над широким Темезом. Реку пересекали остатки римского моста, удивительного строения с неровным проломом посередине. По моему приказу через пролом перекинули деревянный настил, но даже я чувствовал себя не в своей тарелке всякий раз, когда требовалось перейти через этот самодельный участок моста. Южный конец моста защищала крепость из дерева и земли – Сутриганаворк. А еще там простирались широкие болота и стояла кучка хижин – вокруг крепости выросла деревня. За болотами земля поднималась к холмам Уэссекса, невысоким и зеленым, а далеко за холмами, словно призрачные колонны в спокойном небе позднего лета, виднелись струйки дыма.

Я насчитал пятнадцать столбов дыма, но облака затуманивали горизонт, поэтому костров могло быть и больше.

– Они отправились в набег! – воскликнул епископ Эркенвальд.

В его голосе звучали удивление и ярость.

Уэссекс уже много лет был избавлен от больших набегов викингов: его защищали бурги – укрепления, которые Альфред обнес стенами и снабдил гарнизонами. Но люди Харальда принесли огонь, насилие и грабеж во всю восточную часть Уэссекса. Они избегали бургов, нападая только на небольшие поселения.

– Они уже далеко за Кентом! – возмутился епископ.

– И углубляются в Уэссекс, – подтвердил я.

– Сколько их? – спросил Эркинвальд.

– Мы слышали, что причалили две сотни кораблей, поэтому у них должно быть по меньшей мере пять тысяч бойцов. Возможно, с Харальдом отправились две тысячи.

– Всего две тысячи? – резко спросил епископ.

– Это зависит от того, сколько у них лошадей. В набег отправятся только всадники, остальные будут охранять корабли.

– Все равно это языческая орда, – сердито буркнул епископ и прикоснулся к кресту у себя на шее. – Наш господин король решил сокрушить их у Эскенгама.

– У Эскенгама!

– А почему бы нет? – Епископ ошетинился, услышав мой тон.

Я засмеялся, и это заставило Эркинвальда взорваться.

– В этом нет ничего забавного! – раздраженно воскликнул он.

Но все-таки это было забавно. Альфред, а может, Этельред послал армию Уэссекса в Кент, разместил ее на лесистой возвышенности между войсками Хэстена и Харальда, а потом ничего не сделал. Теперь, похоже, Альфред (или его зять) решил отступить к Эскенгаму – бургу в центре Уэссекса, – наверное, в надежде, что Харальд атакует их и будет побежден благодаря стенам бурга. То была жалкая затея. Харальд – волк, Уэссекс – стадо овец, а армия Альфреда была собакой, призванной защищать овец, но Альфред посадил собаку на цепь, надеясь, что волк придет и будет укушен.

Тем временем волк бегал на свободе среди овечьего стада.

– И наш господин король, – надменно продолжал Эркинвальд, – требует, чтобы ты и часть твоего отряда присоединились к нему. Но только если я уверюсь, что Хэстен не нападет на Лунден во время твоего отсутствия.

– Он не нападет. – Я вдруг почувствовал прилив восторга.

Альфред наконец-то позвал меня на помощь, значит собаке дали острые зубы.

– Хэстен боится, что мы уьем заложников? – уточнил епископ.

– Хэстену плевать на заложников. Тот, кого он называет своим сыном, – какой-то крестьянский мальчик, облаченный в богатые одежды.

– Тогда почему ты его принял? – негодуя возопил епископ.

– А что мне оставалось делать? Напасть на главный лагерь Хэстена, чтобы найти его щенков?

– Значит, Хэстен нас дурачит?

– Конечно, он нас дурачит, но он не нападет на Лунден, пока Харальд не победит Альфреда.

– Хотел бы я, чтобы мы могли быть в этом уверены.

– Хэстен – осторожный человек, – сказал я. – Он сражается, когда уверен в победе, в противном случае просто выжидает.

Эркинвальд кивнул.

– Тогда заberi завтра людей на юг, – бросил он и пошел прочь, а за ним засеменили его священники.

* * *

Теперь, оглядываясь на те далекие годы, я понимаю, что мы с епископом Эркенвальдом хорошо управляли Лунденом. Епископ не нравился мне, а я ему, и нам жаль было времени, проведенного в компании друг друга, но он никогда не вмешивался в дела моего гарнизона, а я не вмешивался в его дела. Другой мог бы спросить – сколько воинов я собираюсь взять с собой на юг или сколько их останется охранять город, но Эркенвальд верил, что я приму правильное решение. И все равно я считаю, что он был пронырой.

– Сколько людей с тобой поедут? – спросила меня той ночью Гизела.

Мы находились в нашем доме, доме римского торговца, построенном на северном берегу Темеза. От реки часто воняло, но мы привыкли к этому и жили счастливо. У нас имелись рабы, слуги и стража, няньки и повара. И у нас с Гизелой родилось трое детей. Утреду, старшему, исполнилось тогда лет десять. У него была сестра Стиорра, а нашему младшему Осберту сравнялось всего два года, и он отличался неутолимой любознательностью.

Утрета называли в мою честь, как меня самого называли в честь отца, а моего отца – в честь его отца. Но этот последний из Утредов раздражал меня, потому что был бледным, нервным ребенком, цепляющимся за материнскую юбку.

– Я возьму триста человек, – ответил я Гизеле.

– Всего-то?

– У Альфреда достаточно людей, а я должен оставить тут гарнизон.

Гизела вздрогнула.

Она снова была беременна и вскоре могла разродиться. При виде моего обеспокоенного лица жена улыбнулась.

– Я выплевываю детей, как косточки, – успокаивающе проговорила она. – Сколько времени уйдет на то, чтобы убить людей Харальда?

– Месяц? – предположил я.

– Я успею родить, – сказала она, и я прикоснулся к амулету в виде молота Тора на шее.

Гизела, улыбнувшись, снова попыталась меня успокоить:

– С родами мне везет. – Это чистая правда.

Ее роды проходили довольно легко, и все три наших ребенка выжили.

– Ты вернешься и найдешь нового плачущего младенца, что приведет тебя в раздражение.

Я усмехнулся и подтвердил, что так оно и будет, после чего вышел на террасу, раздвинув кожаные занавеси.

Было темно. На дальнем берегу реки светились несколько огней – там, где крепость охраняла мост, – и в воде отражалось дрожащее пламя. На востоке в прорехе между облаками появилась розовая полоска. Река бурлила, прорываясь под узкой аркой моста, но в остальном в городе стояла тишина. Время от времени лаяли собаки, с кухни порой доносился смех.

«Сеолфервульф», пришвартованный в доке рядом с домом, поскрипывал под легким ветерком. Я бросил взгляд на берег ниже по течению, туда, где поставил на окраине города небольшую башню из дуба. На этой башне день и ночь вели наблюдение, высматривали увенчанные головами чудовищ суда, явившиеся атаковать лунденские пристани. Но на вершине башни не пылал предупреждающий огонь. Все было спокойно.

Датчане в Уэссексе, но Лунден пока отдыхал.

– Когда все закончится, – донесся голос Гизелы из дверного проема, – может, нам стоит отправиться на север?

– Да, – согласился я.

Потом повернулся и посмотрел на ее красивое длинное лицо и темные глаза. Гизела была датчанкой и, как и я, устала от уэссекского христианства. Человек должен иметь богов, и, может

быть, есть какой-то смысл в вере в единственного бога, но зачем выбирать такого, который слишком любит бич и шпоры? Христианский Бог не стал нашим богом, однако нам пришлось жить среди народа, боявшегося его и осуждавшего нас за то, что мы поклоняемся другому божеству. Но я принес Альфреду клятву верности, поэтому оставался там, где он требовал.

– Он не может долго прожить, – заметил я.

– А когда король умрет, ты будешь свободен?

– Больше я никому не давал клятв, – ответил я, и ответил честно.

По правде говоря, я дал еще одну клятву, и она могла меня разыскать, но той ночью мои мысли блуждали так далеко от нее, что я верил: мой ответ Гизеле правдив.

– А когда он умрет?

– Мы отправимся на север, – сказал я.

На север, обратно к моему отчому дому рядом с морем Нортумбрии, к дому, который узурпировал мой дядя. На север, к Беббанбургу, на север, к землям, где язычники могут жить без того, чтобы к ним непрерывно приставали с распятым христианским Богом. Мы отправимся домой. Я служил Альфреду достаточно долго, но хотел домой.

– Обещаю. Клянусь, что мы отправимся домой.

Боги засмеялись.

* * *

Мы пересекли мост на рассвете – три сотни воинов, полторы сотни мальчиков, которым полагалось заботиться о лошадях и нести запасное оружие. Копыта громко стучали по импровизированному настилу, когда мы ехали в сторону дымов, говорящих о том, что в Уэссексе орудуют рабители.

Преодолели широкое болото, где во время прилива среди тонкой травы темнели лужи речной воды, и взобрались на покатые холмы.

Я оставил большинство людей гарнизона в Лундене, взяв только личные войска, воинов, давших мне клятву верности, бойцов, которым доверял свою жизнь. Из таких я оставил в Лундене шестерых, чтобы они охраняли мой дом. Ими командовал Сердик – он был моим боевым товарищем много лет и чуть не плакал, умоляя взять его с собой.

– Ты должен охранять Гизелу и мою семью, – сказал я ему.

Поэтому Сердик остался, а мы поехали на запад по тропе, истоптанной овцами, которых гнали в Лунден на убой.

Мы видели, что люди слегка паникуют. Они все время посматривали на далекий дым, и таны выставили дозорных на крышах домов и на возвышенностях среди деревьев.

Не раз и не два нас принимали за датчан, и люди в ужасе бежали к лесам, но, как только выяснялось, кто мы, возвращались. Им полагалось гнать свой скот к ближайшему бургу, если будет угрожать опасность, но люди всегда неохотно покидают свои дома.

Я приказывал целым деревням брать скот, овец и коз и отправляться в Сутриганаворк, но вряд ли они послушались. Крестьяне предпочитали выжидать до тех пор, пока датчане не начнут дышать им в шею.

Однако датчане оставались на юге, поэтому, возможно, народ рассудил правильно.

Мы сами свернули к югу и поднялись повыше, ожидая в любой момент увидеть захватчиков. Я послал далеко вперед разведчиков, и наступила уже середина утра, когда один из них дал сигнал, помахав красной тряпкой, – он увидел то, что его встревожило. Я погнал лошадь к вершине холма, но разглядел только деревню внизу.

– Люди бежали, господин, – доложил разведчик. – Увидели меня и спрятались среди деревьев.

– Может, они бежали от тебя?

Воин покачал головой:

– Они уже паниковали, господин, когда я их увидел.

Мы оглядели широкую долину, зеленую, цветущую под летним солнцем. На дальней ее стороне возвышались лесистые холмы, а за ними столб дыма. Я видел маленькие поля, соломенные крыши деревни, дорогу, идущую на запад, мерцание ручья, извивающегося между лугами. Врага я не заметил, но густолиственные деревья могли прятать всю орду Харальда.

– Что в точности ты разглядел? – спросил я.

– Женщин, господин. Женщин и детей. Несколько коз. Люди бежали туда.

Он показал на запад.

Итак, жители покинули деревню. Разведчик мельком заметил спасающихся между деревьями, но теперь их и след простыл. Как и тех, кто заставил их спешить. В длинной широкой долине не видно было дыма, но это не означало, что людей Харальда там нет.

Я подхватил поводья лошади разведчика, повел ее вниз, чтобы мы не выделялись на фоне неба, и вспомнил тот день – много лет назад, – когда я впервые отправился на войну. Я был со своим отцом, который возглавлял фирд – людей, оторванных от своих крестьянских хозяйств, вооруженных по большей части мотыгами, косами и топорами. Мы шли пешком и представляли собой медлительную, беспорядочную армию. Датчане, наши враги, имели лошадей. Они вытащили корабли на сушу, и первое, что сделали, – это разыскали лошадей, а потом стали танцевать вокруг нас.

Мы извлекли из этого урок. Научились сражаться, как датчане, если не считать того, что Альфред теперь верил, будто его оснащенные гарнизонами города должны остановить вторжение Харальда, – а это означало, что в сельской местности Харальд получил полную свободу. Я знал – его люди будут верхом, но он вел слишком много человек, поэтому его грабящие округу отряды, без сомнения, все еще прочесывали окрестности в поисках лошадей. Наша первая задача заключалась в том, чтобы убивать этих грабителей и отнимать у них захваченных коней. Я подозревал, что одна из подобных банд орудует на восточном конце долины.

Среди своих людей я нашел того, кто знал местность.

– Господин, у Эдвульфа здесь поместье, – сказал он.

– У Эдвульфа?

– Тана, господин.

Он ухмыльнулся и рукой изобразил жирное брюхо:

– Большой, толстый человек.

– Значит, он богат?

– Очень богат, господин.

Что ж, какие-то датчане обнаружили роскошное место для грабежа, а мы нашли легкую добычу. Единственная трудность: как провести триста всадников через гребень холма так, чтобы их не увидели с восточного конца долины? К счастью, мы обнаружили тропу среди деревьев, и к полудню все мои люди прятались в лесах к западу от поместья Эдвульфа.

Потом я бросил в ловушку наживку.

Я послал Осферта и двадцать воинов по тропе, ведущей на юг, к дыму. Они вели в поводу полдюжины лошадей без всадников и двигались медленно, как будто устали и заблудились. Я приказал им ни в коем случае не смотреть прямо в сторону дома Эдвульфа, где, как я знал, сейчас орудовали датчане.

Финан, двигавшийся меж деревьев как призрак, подкрался поближе и вернулся обратно с вестью, что в деревне десяток домов, церковь и два прекрасных амбара.

– Они стаскивают вниз солому, – доложил Финан, имея в виду, что датчане обыскивают крыши строений, потому что некоторые крестьяне прятали свои сокровища в соломе, прежде чем убежать. – И по очереди насилуют нескольких женщин.

– А что насчет лошадей?

– Только женщин, – ответил Финан, потом перехватил мой взгляд и перестал ухмыляться. – Господин, в загоне у них целый табун лошадей.

* * *

Итак, Осферт двигался по тропе, и датчане заглотили наживку, как форель, клюнувшая на муху. Они увидели Осферта, тот притворился, что до сих пор никого не замечал, – и внезапно сорок или больше датчан галопом помчались, чтобы его перехватить. Тот сделал вид, что осознал опасность, повернул на запад и поскакал туда, где прятался основной отряд.

А потом все было просто, как украсть серебро у церкви.

Сотня моих людей вырвались из-за деревьев на фланге датчан, у которых не было ни малейшего шанса спастись. Двое врагов рванули поводья слишком резко, заламывая шеи лошадям, и животные упали в хаосе молотящих копыт и дерна. Другие попытались повернуть обратно, и мы достали их копьями в спины.

Более опытные датчане направили лошадей на нас, надеясь промчаться прямо сквозь атакующих, но нас было слишком много, и мои люди окружили вражеских всадников, так что в этой петле оказалась дюжина датчан.

Меня там не было.

Я повел отряд проверенных воинов к дому Эдвульфа, туда, где оставшиеся враги спешно седлали коней. Один из датчан, голый ниже пояса, скатился с вопящей женщины, обернулся и, увидев наше приближение, метнулся в сторону. Смока, мой жеребец, замедлил бег, и этот человек снова увернулся, но Смока не нуждался в указаниях седока, и Вздох Змея – мой меч – угодил датчанину в голову. Клинок застрял в черепе, и умирающего протащило за мной. Кровь брызнула мне на руку, а потом наконец дергающееся тело упало.

Я пришпорил коня, уведя большинство своих людей к востоку от поселения, отрезав таким образом путь к отступлению выжившим датчанам.

Финан уже послал разведчиков к южному гребню холма.

Почему, подивился я, датчане не выставили часовых на вершине холма, откуда мы заметили беженцев?

Впрочем, в те времена было столько мелких стычек! Датчане Восточной Англии совершали набеги на пахотные земли близ Лундена, мы платили им той же монетой, ведя своих людей вглубь датской территории, чтобы жечь, убивать и грабить.

Официально между Альфредом Уэссекским и Восточной Англией царил мир, но голодный датчанин не замечает слов на пергаменте. Человек, которому нужны рабы, скот или просто приключения, отправлялся в Мерсию и брал что хотел, а мы ехали на восток и делали то же самое.

Мне нравились такие набеги. Они давали возможность тренировать молодых воинов, позволить им увидеть врага и скрестить с ним мечи. Ты можешь муштровать человека год, вечно заставлять его практиковаться в искусстве владения мечом и копьем, но за каких-то пять минут битвы он научится куда большему.

Тогда случалось столько схваток, что я забыл большинство из них, однако ту, у дома Эдвульфа, я помню. Вообще-то, стычка была пустяковой. Благодаря беспечности датчан у нас даже не было раненых, но, когда все закончилось и мечи вернулись в ножны, один из моих людей позвал меня в церковь.

То было маленькое строение, рассчитанное не больше чем на пятьдесят или шестьдесят человек, живших вокруг господского дома. Церковь возвели из дуба, покрыли тростником. На крыше – высокий деревянный крест. Грубой работы колокол свисал с западного фронтона над единственной дверью, в каждой стене имелось по два больших окна с деревянными решетками,

сквозь которые струился свет. Свет озарял толстого человека: его раздели донага и привязали к столу, – полагаю, стол этот служил алтарем. Мужчина застонал.

– Развяжите его, – прорычал я.

Райпер – он возглавлял воинов, которые захватили в плен датчан, находившихся в церкви, – двинулся вперед так, будто я пробудил его от транса.

Этот опытный боец за свою недолгую жизнь повидал много ужасов, но он, как и его люди, казалось, онемел от зверств, учиненных над толстяком. Глазницы его представляли собой мешанину из крови и слизи, щеки испещрены красными полосами, уши отсечены, член отрезан, пальцы, скорее всего, сперва сломаны, а потом стамеской отсечены от ладоней.

За столом стояли двое датчан под охраной моих людей; перепачканные красным руки пленных выдавали в них палачей-исполнителей. Однако за такую жестокость в первую очередь отвечал вожак, и именно потому я запомнил ту стычку.

Тогда я повстречался со Скади.

Если какая-нибудь смертная женщина и съела яблоки из Асгарда, дарующие богам вечную красоту, то это была Скади. Высокая, почти такая же высокая, как я, с гибким телом, обтянутым кольчугой, лет двадцати, с узким, надменным лицом и вздернутым носом. И я еще никогда не видел таких голубых глаз. Ее прямые волосы, черные, как перья воронов Одина, свисали до стройной талии, перехваченной ремнем с пустыми ножнами.

Я уставился на нее.

А она уставилась на меня.

И что же видела Скади?

Она видела полководца короля Альфреда. Видела Утреда Беббанбургского, язычника на службе у христианского короля. Я был высоким и – тогда – широкоплечим. Я был воином меча, воином копья, разбогатевшим в сражениях, поэтому кольчуга моя сияла, шлем был инкрустирован серебром, а поверх кольчужных рукавов блестели браслеты. Пояс, на котором висел меч, украшали серебряные волчьи головы, ножны Вздоха Змея усеивали кусочки гагата, пряжка ремня и фибула плаща были сделаны из тяжелого золота. Только маленький амулет в виде молота Тора, висевший у меня на шее, был дешевым, но я сохранил этот талисман детства. И он до сих пор у меня. Слава моей юности ушла, источенная временем, но тогда Скади увидела меня именно таким. Перед ней стоял полководец.

И поэтому плюнула в меня. Слюна попала мне в щеку, и я не стал ее вытирать.

– Кто эта сука? – спросил я.

– Скади, – ответил Райпер. Посмотрел на двух палачей и добавил: – Они утверждают, что она их предводительница.

Толстяк застонал. Его развязали, и теперь он свернулся клубком.

– Найдите кого-нибудь, кто о нем позаботится, – раздраженно велел я, и Скади плюнула снова, на этот раз попав мне в губы. – Кто он? – спросил я, не обращая на нее внимания.

– Мы думаем, это Эдвульф, – доложил Райпер.

– Уберите его отсюда, – приказал я.

Потом повернулся, чтобы посмотреть на красотку, которая в меня плевала.

– И кто такая эта Скади? – пробормотал я.

Она была датчанкой, рожденной на ферме в северной части их суровой страны, дочерью человека, не добывшего богатств и оставившего свою вдову в бедности. Но у вдовы имелась Скади, удивительно красивая. Девушку выдали замуж за того, кто смог заплатить за то, чтобы ее гибкое длинное тело оказалось в его постели. Муж Скади был вождем клана фризов, пиратом. Потом молодожены повстречались с Харальдом Кровавые Волосы, и ярл Харальд предложил молодой женщине более захватывающую жизнь, чем прозябание за гниющим палисадом на заливаемой приливами отмели. И Скади сбежала с Харальдом.

Все это мне еще предстояло узнать, а тогда я понял лишь, что она – женщина Харальда и что Хэстен сказал правду: увидеть ее – значит ее возжелать.

– Ты освободишь меня, – бросила она с удивительной уверенностью.

– Я сделаю что захочу, – отрезал я. – И я не выполняю приказов глупцов.

Она возмутилась, услышав это. Я увидел – девица собирается снова плюнуть, и поднял руку, предупреждая, что ударю ее. Скади притихла.

– Ни одного дозорного, – указал я. – Какие предводители не выставляют часовых? Только глупцы.

Ее взбесили мои слова. Взбесили, потому что это была правда.

– Ярл Харальд заплатит за мою свободу, – сказала Скади.

– Моя цена за твою свободу – печень Харальда, – ответил я.

– Ты Утред? – спросила она.

– Я – лорд Утред Беббанбургский.

Скади чуть заметно улыбнулась:

– Тогда Беббанбургу понадобится новый лорд, если ты не отпустишь меня. Я прокляну тебя. Ты познаешь мучительную боль, Утред Беббанбургский, даже более мучительную, чем он. – Женщина кивнула на Эдвульфа, которого выносили из церкви четверо моих людей.

– Он тоже дурак, – отозвался я, – потому что не поставил часовых.

Отряд мародеров Скади напал ясным утром, и никто не заметил их приближения. Некоторые жители деревни, те, кого мы видели с гребня холма, спаслись, но большинство попали в плен, и из них выжили только женщины и дети, которых можно было продать в рабство.

В живых мы оставили только одного датчанина – и Скади. Остальных убили. Забрали лошадей, кольчуги и оружие. Я приказал выжившим жителям деревни гнать свой скот на север, к Сутриганаворку, потому что людей Харальда следовало лишить пропитания. Сделать это было нелегко: урожай уже находился в амбарах и сады ломались от фруктов.

Мы все еще дорезали последних датчан, когда разведчики Финана доложили, что на юге к гребню холма приближаются всадники.

Я отправился к ним навстречу, взяв с собой семьдесят человек, датчанина, которого пощадил, и Скади. Я захватил длинный кусок пенькового каната, раньше привязанного к маленькому церковному колоколу.

Вместе с Финаном мы въехали на перевал; там был сенокос с мягкой травой, и оттуда открывался хороший вид на юг. Далеко в небе вились новые столбы дыма, но ближе, гораздо ближе, по берегам затененного ивами ручья двигался отряд всадников. По моим подсчетам, их было примерно столько же, сколько моих людей, которые теперь выстроились на перевале слева и справа от моего знамени с волчьей головой.

– Слезай с лошади, – приказал я Скади.

– Эти люди ищут меня, – с вызовом ответила она, кивнув на всадников, которые замедлили аллюр при виде боевого строя.

– Значит, они тебя нашли, – бросил я. – Поэтому спешивайся.

Она молчала и гордо смотрела на меня. Скади ненавидела, когда ей отдавали приказы.

– Ты спешишься сама, – терпеливо проговорил я, – или я вышибу тебя из седла. Выбор за тобой.

Она сдалась. Жестом я велел Финану сделать то же самое. Он вытащил меч и встал рядом с девушкой.

– А теперь раздевайся, – приказал я ей.

Лицо ее потемнело от неистовой ярости. Она не шевельнулась, но я ощутил ее гнев, похожий на свернувшуюся внутри ее гадюку. Ей хотелось меня убить, ей хотелось вопить, ей хотелось призвать богов с запятанного дымом неба, но она ничего не могла сделать.

– Раздевайся, – повторил я, – или тебя разденут мои люди.

Скади повернулась, словно ища пути к бегству, но спрятаться было негде. В ее глазах мелькнул страх, однако ей не осталось ничего другого, кроме как повиноваться.

Финан недоумевающе посмотрел на меня, потому что я никогда не был жесток с женщинами. Я не стал ему объяснять, что, по словам Хэстена, Харальд Кровавые Волосы – порывистый человек. Оскорбляя его женщину, я надеялся спровоцировать Харальда: разозлить и заставить потерять голову.

Лицо Скади стало бесстрастной маской, когда она стянула кольчугу, кожаную куртку и льняные брюки.

Один или два моих воина разразились приветственными криками, когда Скади сняла куртку, обнажив высокие твердые груди, но смолкли, когда я на них зарычал. Я швырнул веревку Финану.

– Завяжи вокруг ее шеи, – приказал я.

Все-таки она была красивой.

Даже теперь я могу закрыть глаза и увидеть ее стройное тело, когда она стояла на пестреющей лютиками траве.

Датчане в долине пилились вверх, мои люди глазели, а Скади уподобилась существу из Асгарда, сошедшему в Срединный мир.

Я не сомневался, что Харальд за нее заплатит. Любой мужчина легко разорился бы, лишь бы обладать Скади.

Финан передал мне конец веревки, и я ткнул пятками своего жеребца, направляя его вперед. Я провел Скади вниз по склону и остановился на трети спуска.

– Харальд здесь? – поинтересовался я у нее, кивнув в сторону датчан, находившихся в двухстах шагах от нас.

– Нет, – процедила она.

Голос был сдавленным и полон горечи. Она злилась и чувствовала унижение.

– Он убьет тебя за это, – пробормотала Скади.

Я улыбнулся и ответил:

– Харальд Кровавые Волосы – пердящая крыса, полная дерьма.

Повернулся в седле и махнул Осферту, который подвел к нам уцелевшего датчанина.

Юный датчанин уставился на меня снизу вверх со страхом в бледно-голубых глазах.

– Это женщина вашего главаря. Посмотри на нее.

Он едва осмелился поднять взор на наготу Скади; после моего приказа воин мельком глянул на нее и вновь сконцентрировался на мне.

– Ступай, – велел я, – и передай Харальду Кровавые Волосы, что его шлюха у Утреда Беббанбургского. А еще доложи Харальду, что я держу ее голой, что воспользуюсь ею, чтобы поразвлечься. Иди скажи ему это. Иди!

Он побежал вниз по склону. Датчане в долине не собирались нас атаковать. Силы были равны, но мы занимали возвышенность, а датчане всегда неохотно идут в бой, грозящий большими потерями. Поэтому они просто наблюдали, и, хотя один из них подъехал достаточно близко, чтобы разглядеть Скади, никто из них не попытался ее спасти.

Куртка, штаны и сапоги Скади были у меня; я швырнул все это к ее ногам, потом наклонился и снял веревку с ее шеи.

– Одевайся, – приказал я.

Я видел: она прикидывает, как бы удрать. Скади думала о том, чтобы со всех ног побежать вниз по склону в надежде добраться до наблюдающих всадников раньше, чем я ее перехвачу, но я сжал коленями бока Смоки и, направив коня, к Скади перекрыл ей путь.

– Ты умрешь с мечом в черепе задолго до того, как доберешься до них, – предупредил я.

– И ты умрешь, – парировала она, нагибаясь за своей одеждой, – умрешь без меча в руке.

Я прикоснулся к талисману на шее.

– Альфред вешает пленных язычников, – произнес я. – Лучше надейся на то, что я сумею сохранить тебе жизнь, когда мы с ним встретимся.

– Я буду проклинать тебя, – прорычала Скади. – И тех, кого ты любишь.

– Лучше надейся, – продолжал я, – что мое терпение не истощится, иначе я отдам тебя своим людям, прежде чем Альфред тебя повесит.

– Проклятие и смерть, – сказала она.

В голосе ее слышался почти триумф.

– Ударь ее, если она снова заговорит, – велел я Осферту.

А потом мы поехали на запад, чтобы найти Альфреда.

Глава третья

Сперва я заметил повозку.

Такую громадную, что на ней можно было бы увезти жатву с дюжины полей, но повозка эта никогда не будет возить ничего мирского вроде снопов пшеницы. У нее имелись две толстые оси и четыре крепких колеса, окованные железом, с зелеными крестами на белом фоне. Бока повозки обшили панелями с изображением святого на каждом. На поручнях вырезали латинские слова, но я ни разу не потрудился попросить их перевести, потому что мне ни к чему было об этом знать, а значит, ни к чему и спрашивать. Вероятно, христианские увещания, похожие одно на другое.

Внутри повозки было полно мешков с шерстью, наверное, чтобы уберечь пассажиров от толчков. Впереди, обращенное высокой спинкой к скамье возницы, стояло кресло с хорошей набивкой. Четыре резных витых шеста поддерживали полосатый навес из парусины, прикрывавшей все хитроумное сооружение. На одном из этих шестов возвышался деревянный крест, вроде тех, что укрепляют на фронтонах церквей. Знамена с изображением святых свисали с остальных трех шестов.

– Это что, церковь на колесах? – раздраженно спросил я.

– Он больше не может ездить верхом, – мрачно пояснил Стеапа.

Стеапа командовал королевскими телохранителями. Огромный, один из немногих мужчин, что были выше меня, свирепый и неутомимый в битве, а еще – беззаветно преданный королю Альфреду.

Мы со Стеапой дружили, хотя наше знакомство началось с вражды, когда меня вынудили с ним сражаться. Это было все равно что атаковать гору. Однако мы оба выжили в той схватке, и не было другого человека, рядом с которым я хотел бы стоять в «стене щитов» больше, чем со Стеапой.

– Он вообще не может ездить верхом? – уточнил я.

– Иногда ездит, но это причиняет ему слишком сильную боль. Он едва ходит.

– И сколько быков тащат эту штуковину?

– Шесть. Ему это не нравится, но все же приходится ею пользоваться.

Мы находились в Эскенгаме, бурге, построенном, чтобы защитить Винтанкестер с востока. То был маленький бург, несравнимый по величине с Винтанкестером или Лунденом; он защищал брод на реке Уэй. Хотя почему именно этот брод нуждался в защите, оставалось загадкой, ведь реку легко можно было пересечь и к северу, и к югу от Эскенгама.

Вообще-то, бург не охранял ничего важного, вот почему я возражал против укрепления этого места. Однако Альфред настоял на том, чтобы превратить Эскенгам в бург: считалось, что много лет назад какой-то полубезумный христианский мистик вернул здесь девственность изнасилованной девушке, посему это место почитали. Альфред приказал возвести тут монастырь, и Стеапа сообщил, что король ожидает меня в тамошней церкви.

– Они все болтают, – уныло пробубнил Стеапа, – но ни один из них не знает, что делать.

– Мне казалось, вы ожидаете, что Харальд нападет на вас здесь?

– Я сказал им, что он не нападет, – ответил Стеапа. – Но что случится, если он и вправду не нападет?

– Мы найдем Харальда и убьем эрслинга, конечно. – Я глянул на восток, где новые столбы дыма возвещали о том, что люди Харальда грабят очередные деревни.

Стеапа показал на Скади:

– Кто это?

– Шлюха Харальда, – ответил я достаточно громко, чтобы та услышала.

Лицо ее не изменилось, не утратило надменности.

– Она пыталась человека по имени Эдвульф. Хотела заставить его выдать, где он спрятал золото.

– Я знаю Эдвульфа, – проговорил Стеапа. – Он купается в золоте.

– Раньше купался. Теперь он мертв.

Эдвульф умер прежде, чем мы покинули его поместье.

Стеапа протянул руку, чтобы принять мои мечи. В тот день монастырь служил Альфреду домом, и никто, кроме самого короля, его родственников и его охраны, не мог носить оружие в присутствии царственной особы.

Я отдал Вздох Змея и Осиное Жало, потом окунул руки в чашу с водой, предложенную слугой.

– Добро пожаловать в дом короля, господин, – произнес формальное приветствие слуга. После он наблюдал, как я накидываю на шею Скади веревку.

Девушка плюнула мне в лицо и ухмыльнулась.

– Пора встретиться с королем, – сказал я ей. – Плюнь в него, и он тебя повесит.

– Я прокляну вас обоих, – ответила она.

Только Финан сопровождал Стеапу, Скади и меня в монастырь. Остальные мои воины провели лошадей через восточные ворота, чтобы напоить в ручье.

Тем временем Стеапа повел нас в церковь аббатства, прекрасное каменное здание с балками из тяжелого дуба. Высокие окна освещали выделанные разрисованные шкуры. На одной из них, над алтарем, красовалась девушка в белом длинном одеянии, которую поднимал на ноги бородатый мужчина с нимбом. Пухлое, как наливное яблоко, лицо девушки выражало чистейшее изумление, и я решил, что это и есть та, которой только что вернули девственность. Выражение лица мужчины заставляло предположить, что в скором времени ей может понадобиться повторение чуда.

Под изображением, перед заваленным серебром алтарем, в кресле с наброшенным на сиденье пледом сидел Альфред.

Кроме него, в церкви находились еще человек десять. Когда мы вошли, они переговаривались, но при нашем появлении сперва понизили голоса, а потом замолчали. Слева от Альфреда толпилось стадо церковников, среди них мой старый друг, отец Беокка, и мой старый враг – отец Ассер, валлиец, близкий советник короля. В нефе на скамьях сидели полдюжины олдерменов, возглавлявших графства: их призвали, чтобы присоединиться к армии, противостоявшей вторжению Харальда. Справа от Альфреда, на стуле чуть поменьше, сидел его зять, мой кузен Этельред, а позади Этельреда я увидел его жену, дочь Альфреда, Этельфлэд.

Этельред был лордом Мерсии. Мерсия лежала к северу от Уэссекса, и ее северной и восточной частями управляли датчане. Короля там не было, вместо него – мой кузен, которого признали правителем сакских частей Мерсии, хотя на самом деле он был рабом Альфреда.

Альфред никогда открыто не выражал подобных претензий, но именно он являлся реальным правителем Мерсии, а Этельред делал то, что приказывал его тесть.

Однако было непонятно, сколько еще продлится подобное положение дел, – Альфред выглядел еще более нездоровым, чем тогда, когда я видел его в последний раз. Его одухотворенное бледное лицо стало худым, как никогда, глаза выражали боль, хотя остались такими же умными.

Он молча смотрел на меня в ожидании, когда я поклонюсь, потом коротко кивнул в знак приветствия:

– Ты привел людей, господин Утред?

– Три сотни, господин.

– И это все? – вздрогнув, спросил Альфред.

– Если ты не хочешь потерять Лунден, господин, это все.

– Но ты привел свою женщину? – прошипел епископ Ассер.

Епископ Ассер был эрслингом. Это слово обозначает то, что падает из задницы. Он выпал из какой-то валлийской задницы, а потом вкрался в доверие к Альфреду. Король был очень высокого мнения об Ассере, который меня ненавидел.

– Я привел шлюху Харальда.

Никто ничего не ответил на это.

Все таращились на Скади, но пристальнее всех на нее глазел молодой человек, стоящий за тронном Альфреда. У него было худое, бледное, костистое лицо, черные волосы, выющиеся над вышитым воротником, и быстрые смысленные глаза. Казалось, он нервничал, возможно испытывая благоговейный страх в присутствии такого множества широкоплечих воинов. Сам он был стройного, почти хрупкого сложения. Я достаточно хорошо его знал. Эдуард, и он был этелингом, то есть старшим сыном короля. Его готовили наследовать отцовский трон. Теперь же парень с разинутым ртом глядел на Скади, как будто никогда раньше не видел женщины. Когда же она встретила с ним взглядом, покраснел и притворился, что жадно интересуется усыпанным тростником полом.

– Ты привел – что? – нарушил изумленное молчание епископ Ассер.

– Ее зовут Скади. – Я толкнул ее вперед.

Эдуард поднял глаза и уставился на Скади, как щенок на свежее мясо.

– Поклонись королю, – приказал я пленнице на датском.

– Я делаю только то, что пожелаю, – сказала она, как я и ожидал, и плюнула в сторону Альфреда.

– Ударь ее! – твякнул епископ Ассер.

– Церковники бьют женщин? – поинтересовался я.

– Умолкни, господин Утред, – устало произнес Альфред.

Я увидел, как его правая рука вцепилась в подлокотник кресла.

Он посмотрел на Скади, и та вызывающе отвернулась.

– Замечательная женщина, – мягко молвил король. – Она говорит по-английски?

– Притворяется, что не говорит, – пояснил я. – Но достаточно хорошо все понимает.

Скади наградила меня за эту правду косым взглядом, полным чистейшей злобы.

– Я прокляла тебя, – буркнула она себе под нос.

– Самый легкий способ избавиться от проклятия, – так же тихо ответил я, – это вырезать язык, который его произнес. А теперь заткнись, ты, тухлая шлюха.

– Проклятьем смерти, – почти прошептала она.

– Что она бормочет? – спросил Альфред.

– Она считается колдуньей, господин, – сказал я, – и заявляет, что прокляла меня.

Альфред и большинство церковников прикоснулись к своим крестам.

Я заметил в христианах одну странную особенность: они утверждают, что наши боги не имеют никакой силы, однако боятся проклятий, сделанных именем этих богов.

– Как ты ее захватил? – поинтересовался Альфред.

Я коротко рассказал о том, что произошло у дома Эдвульфа. Когда же закончил, Альфред холодно посмотрел на Скади.

– Она убила священника тана Эдвульфа? – уточнил он.

– Ты убила священника тана Эдвульфа, сука? – спросил я ее по-датски.

Она улыбнулась мне:

– Конечно убила. Я убиваю всех священников.

– Она убила священника, господин, – перевел я Альфреду.

Тот содрогнулся.

– Выведи ее наружу, – приказал он Стеапе, – и хорошо охраняй.

Король поднял руку:

– Она не должна быть изнасилована!

Альфред подождал, когда выведут Скади, потом посмотрел на меня.

– Добро пожаловать, господин Утред, – сказал он. – Добро пожаловать – тебе и твоим людям. Но я надеялся, ты что приведешь отряд побольше.

– Я привел достаточно воинов, господин король.

– Достаточно для чего? – спросил епископ Ассер.

Я взглянул на этого коротышку. Он стал епископом, но все еще носил монашескую рясу, плотно подпоясанную на тощей талии. У него было лицо, похожее на морду изголодавшейся козы, бледно-зеленые глаза и тонкие губы. Половину жизни Ассер провел в родных валлийских пустошах, а вторую – нашептывал ядовитые ханжеские слова на ухо Альфреду. И вдвоем они составили кодекс законов для Уэссекса. Для меня было развлечением и делом чести нарушить каждый из этих законов, прежде чем умрет король или валлийский коротышка.

– Достаточно, – проговорил я, – чтобы разорвать Харальда и его людей в кровавые клочья.

Этельфлэд улыбнулась, услышав это. Из всей семьи короля только она была моим другом. Я не видел ее четыре года, и теперь Этельфлэд стала куда тоньше, чем прежде. Всего год или два, как ей минуло двадцать, но она казалась старше своих лет и печальнее, однако волосы ее по-прежнему были блестящим золотом, а глаза – голубыми, как летнее небо.

Я подмигнул ей, в том числе для того, чтобы позлить ее супруга, моего кузена, который немедленно заглотил наживку и возмущенно фыркнул.

– Если бы Харальда было так легко уничтожить, – бросил Этельред, – мы бы уже это сделали.

– Как? – съязвил я. – Наблюдая за ним с холмов?

Этельред скорчил гримасу.

В обычной ситуации он начал бы со мной спорить, потому что был задиристым и гордым, но сейчас выглядел слишком бледным. Он страдал от приступов болезни, но никто не мог понять от какой. Приступ делал его усталым и слабым.

Этельреду в тот год, наверное, было лет сорок, и его рыжие волосы начали белеть на висках.

Я понял, что сегодня один из тех дней, когда кузен чувствует себя плохо.

– Харальда следовало бы убить еще несколько недель назад, – насмешливо бросил я ему.

– Довольно!

Альфред хлопнул по подлокотнику кресла, испугав сокола в кожаном колпачке, – птица примостилась на аналое рядом с алтарем. Сокол захлопал крыльями, но путы на ногах прочно его держали.

Король поморщился. Его лицо сказало мне о том, что я и без того хорошо знал, – он нуждается во мне и не хочет во мне нуждаться.

– Мы не могли атаковать Харальда, – терпеливо объяснил он, – пока Хэстен угрожал нашему северному флангу.

– Хэстен не смог бы угрожать даже мокрому щенку. Он слишком боится поражения.

В тот день я был высокомерен, высокомерен и самоуверен, потому что порой людям нужно видеть высокомерие. Собравшиеся здесь провели много дней, споря, что следует предпринять, и в конце концов не сделали ничего. И все это время силы Харальда множились у них в голове, пока они не убедили себя, что враг непобедим.

Альфред намеренно воздерживался от того, чтобы попросить меня о помощи, потому что хотел вручить бразды правления Уэссексом и Мерсией своему сыну и зятю. А для этого следовало создать им репутацию вождей. Но они не смогли стать лидерами, поэтому Альфред послал за мной.

И теперь, потому что они в том нуждались, я встретил их страхи с высокомерной самоуверенностью.

– У Харальда пять тысяч воинов, – тихо проговорил олдермен Этельхельм из Вилтунскира.

Этельхельм был хорошим человеком, но, похоже, и он заразился робостью, охватившей окружение Альфреда.

– Харальд привел две сотни кораблей! – добавил он.

– Если бы у него было две тысячи человек, я бы удивился, – сказал я. – Сколько у него лошадей?

Никто этого не знал, – во всяком случае, все промолчали. Харальд вполне мог бы привести пять тысяч человек, но его армия состояла лишь из тех, кто раздобыл коней.

– Сколько бы людей у него ни было, – многозначительно проговорил Альфред, – он должен атаковать этот бург, чтобы продвинуться дальше в Уэссекс.

Конечно же, это была чушь. Харальд мог пройти к северу или к югу от Эскенгама, но не имело смысла спорить с Альфредом, питавшим особую привязанность к бургам.

– Значит, ты собираешься победить его здесь, господин? – не вступая в спор, спросил я.

– У меня девятьсот человек, – ответил он, – и гарнизон бурга, а теперь еще три сотни твоих воинов. Харальд разобьется об эти стены.

Я увидел, что Этельред, Этельхельм и олдермен Этельнот из Суморсэта закивали в знак согласия.

– И у меня есть пятьсот человек в Силкестре, – добавил Этельред, как будто это решало все.

– И что они там делают? – спросил я. – Мочатся в Темез, пока мы сражаемся?

Этельфлэд ухмыльнулась, а ее брат Эдуард явно оскорбился.

Дорогой старый Беокка, наставник моих детских лет, посмотрел на меня многократно-неодобрительным взглядом.

Альфред только вздохнул.

– Люди господина Этельреда могут совершать налеты на врага, пока тот будет нас осаждать, – объяснил он.

– Итак, господин, наша победа зависит от того, атакует ли нас здесь Харальд? От того, позволит ли нам Харальд убивать его людей, пока они будут пытаться перебраться через стену?

Альфред не ответил.

Пара воробьев ссорились среди стропил.

Толстая свеча из пчелиного воска на алтаре позади Альфреда оплыла и начала дымить, и монах поспешил подровнять фитиль. Пламя вновь поднялось, его свет отразился от высокой золотой раки, в которой, кажется, хранилась иссохшая рука.

– Харальд захочет нас победить, – внес свой первый робкий вклад в дискуссию Эдуард.

– Зачем? Зачем ему так утруждаться, если мы делаем все возможное, чтобы победить самих себя?

Придворные обиженно загомонили, но я заглушил этот гул.

– Позволь сказать тебе, что будет делать Харальд, господин, – обратился я к Альфреду. – Он проведет свою армию к северу от нас и двинется к Винтанкестеру. Там много серебра, оно удобно свалено в твоем новом кафедральном соборе, а ты привел свою армию сюда, поэтому Харальду не придется прилагать больших усилий, чтобы взять стены Винтанкестера. Но даже если он обложит Эскенгам, – я заговорил громче, желая перекрыть сердитый протест епископа Ассера, – все, что ему понадобится, – это окружить нас и дать нам умереть с голоду. Сколько тут еды?

Король сделал жест Ассеру, требуя, чтобы тот перестал негодовать.

– Так что же ты будешь делать, господин Утрэд? – спросил Альфред, и в голосе его прозвучала жалобная нотка.

Он был старым, усталым и больным, и вторжение Харальда, казалось, угрожало уничтожить все, чего он добился.

– Я бы предложил, чтобы господин Этельред приказал своим пятистам воинам пересечь Темез и двинуться маршем к Феарнхэмму.

В углу церкви заскулила гончая, но, кроме этого, не раздалось ни звука. Все уставились на меня, но я увидел, как у некоторых просветлели лица. Они увязли в нерешительности и нуждались в уверенном ударе меча.

Альфред нарушил тишину.

– К Феарнхэмму? – осторожно переспросил он.

– К Феарнхэмму, – повторил я, наблюдая за Этельредом, но его бледное лицо ничего не выражало, и ни один человек в церкви не подал голоса.

Я думал о местности к северу от Эскенгама. Война зависит не только от людей или припасов, но и от холмов, долин, рек и болот, от тех мест, где земля и вода помогут победить армию. Я путешествовал через Феарнхэмм довольно часто, следуя по дороге из Лундена в Винтанкестер, и всякий раз замечал, какая там местность и как ее можно будет использовать, если рядом окажется враг.

– У Феарнхэмма есть холм, на севере, сразу за рекой.

– Есть! Я хорошо его знаю! – откликнулся один из монахов, стоящих справа от Альфреда. – На холме есть земляной вал.

Я посмотрел на этого краснолицего, крючконосого человека.

– А ты кто такой? – холодно спросил я.

– Ослак, господин, здешний аббат.

– Земляной вал в хорошем состоянии?

– Его построили древние люди, – пояснил аббат Ослак, – и он сильно зарос травой, но ров глубокий, а вал все еще крепкий.

Таких земляных валов в Британии много, немых свидетелей сражений, бушевавших на этой земле, еще до того, как мы, саксы, явились сюда, чтобы принести новые войны.

– Вал достаточно высок, чтобы его было легко защищать? – уточнил я у аббата.

– Ты мог бы удерживать его целую вечность, если бы у тебя было достаточно людей, – уверенно ответил Ослак.

Я пристально посмотрел на него, заметил шрам поперек его переносицы и решил, что аббат Ослак был воином, прежде чем стать монахом.

– Но зачем приглашать Харальда осаждать нас там? – спросил Альфред. – Когда у нас есть Эскенгам с его стенами и складами?

– И на сколько хватит этих складов, господин? У нас тут достаточно людей, чтобы сдерживать врага до Судного дня, но недостаточно еды, чтобы протянуть до Рождества.

Бурги не снабжались едой, которая требовалась большой армии. Назначение обнесенных стенами городов состояло в том, чтобы сдерживать врага и давать возможность гвардейцам, хорошо обученным воинам, нападать на осаждающих на открытой местности, снаружи.

– Но Феарнхэмм? – спросил Альфред.

– Именно там мы уничтожим Харальда, – недобро проговорил я и посмотрел на Этельреда. – Прикажи своим людям отправиться к Феарнхэмму, кузен, и там мы поймаем Харальда в ловушку.

Бывали времена, когда Альфред задавал вопросы, проверяя мои идеи, но в тот день он выглядел слишком усталым и слишком больным, чтобы спорить. И у него явно не хватало терпения слушать, как остальные подвергают сомнению мои планы. Кроме того, он научился доверять мне, когда речь шла о военных делах, и я думал, что он согласится с моим туманным предложением. Но он меня удивил.

Повернувшись к церковникам, он жестом велел одному из них к нам присоединиться. Епископ Ассер, взяв под локоть молодого коренастого монаха, подвел его к креслу короля. У этого монаха было твердое, костистое лицо и темные волосы с выбритой в них тонзурой – жесткие и колючие, как шкура барсука. Он мог бы быть красивым, если бы не молочно-белые глаза. Я решил, что он слеп от рождения.

Нащупав кресло короля, монах опустился на колени перед Альфредом, который отечески положил руку на его склоненную голову.

– Итак, брат Годвин? – ласково спросил он.

– Я здесь, господин, я здесь.

Голос Годвина был чуть громче хриплого шепота.

– И ты слышал господина Утреда?

– Я слышал, господин, я слышал.

Брат Годвин поднял слепые глаза на короля. Некоторое время монах молчал, но лицо его все время подергивалось, подергивалось и гримасничало, как у человека, одержимого злым духом. Он начал издавать давящиеся звуки, и, к моему удивлению, это не встревожило Альфреда, который терпеливо ждал, пока наконец лицо юного монаха не приняло обычное выражение.

– Все будет хорошо, господин король, – проговорил Годвин. – Все будет хорошо.

Альфред снова похлопал Годвина по голове и улыбнулся мне.

– Мы сделаем так, как ты предложил, господин Утред, – решительно проговорил он. – Ты направишь своих людей к Феарнхэмму, – обратился он к Этельреду, – а мой сын будет командовать силами восточных саксов.

– Да, господин, – послушно отозвался я.

Эдуард, самый молодой из собравшихся, выглядел сконфуженным, его глаза смущенно перебегали от меня к отцу и обратно.

– И ты, – Альфред повернулся, чтобы посмотреть на сына, – будешь слушаться господина Утреда.

Этельред не мог более сдерживаться.

– А какие у нас гарантии, – раздраженно спросил он, – что язычники придут к Феарнхэмму?

– Мои, – резко ответил я.

– Но ты не можешь быть в этом уверен! – запротестовал Этельред.

– Харальд отправится к Феарнхэмму и умрет там.

В этом я ошибся.

* * *

Гонцы поскакали к людям Этельреда, стоявшим у Силкестра, с приказом двинуться на Феарнхэмм следующим утром при первых проблесках зари. Как только они окажутся там, то должны будут занять холм к северу, сразу же за рекой. Эти пятьсот человек были наковальней, в то время как люди в Эскенгаме стали моим молотом. Но чтобы заманить Харальда на наковальню, придется разделить наши силы, а правила войны запрещали так поступать. По самым радужным подсчетам, у нас имелось на пятьсот человек меньше, чем у датчан, и, разделив нашу армию на две части, я приглашал Харальда уничтожить эти части по отдельности.

– Но я полагаюсь на то, что Харальд – порывистый идиот, господин, – сказал я Альфреду той ночью.

Король присоединился ко мне на западных укреплениях Эскенгама. Он появился со своей обычной свитой священников, но махнул им, чтобы они отошли и мы могли поговорить

наедине. Мгновение король стоял, пристально глядя на далекое зарево огней, туда, где люди Харальда опустошали деревни, – и я знал, что он оплакивает все сожженные церкви.

– Он и вправду порывистый идиот? – мягко поинтересовался Альфред.

– Это ты мне скажи, господин.

– Он дикий, непредсказуемый, он устраивает внезапные набеги, – перечислил король.

Альфред хорошо платил за сведения о норманнах и продолжал вести скрупулезные записи о каждом их вожде. Харальд разорял Франкию, пока его не подкупили тамошние люди, чтобы он ушел, и я не сомневался, что шпионы Альфреда рассказали ему все, что смогли выяснить насчет Харальда Кровавые Волосы.

– Ты знаешь, почему его зовут Кровавые Волосы? – спросил Альфред.

– Потому что перед каждой битвой, господин, он приносит коня в жертву Тору и мочит свои волосы в крови животного.

– Да.

Альфред прислонился к палисаду.

– Как ты можешь быть уверен, что он пойдет на Феарнхэм?

– Потому что я заманю его туда, господин. Я сделаю западню и вздерну его на наши копья.

– Женщина? – уточнил Альфред, слегка содрогнувшись.

– Говорят, она для него особенная, господин.

– Я тоже об этом слышал. Но Харальд заведет себе других шлюх.

– Она – не единственная причина, по которой он явится в Феарнхэм, господин. Но хватило бы и ее одной.

– Женщины приносят грех в этот мир, – проговорил Альфред так тихо, что я едва слышал его.

Прислонившись к дубовым бревнам парапета, он смотрел в сторону маленького города Годелмингам, что лежал в нескольких милях к востоку. Людям, которые там жили, приказали бежать, и теперь единственными тамошними обитателями были пятьдесят моих человек, что стояли на страже, чтобы предупредить нас о приближении датчан.

– Я надеялся, что датчане больше не пожелают захватить мое королевство, – печально нарушил молчание Альфред.

– Они всегда будут стремиться захватить Уэссекс, – ответил я.

– Все, о чем я прошу Бога, – продолжал король, не обратив внимания на мои слова, – это чтобы Уэссекс был в безопасности и им правил мой сын.

Я ничего на это не ответил. Не существовало закона, провозглашающего сына преемником своего отца-короля. А если бы такой закон написали, Альфред не был бы правителем Уэссекса. Он сел на трон вслед за своим братом, хотя у этого брата имелся сын Этельвольд, отчаянно желавший стать королем Уэссекса. Когда отец его умер, Этельвольд был слишком молод, чтобы взойти на трон, но теперь ему было лет тридцать – возраст, в котором мужчина достигает наивысшего мастерства в искусстве напиваться вдрызг.

Альфред вздохнул и выпрямился.

– Ты будешь нужен Эдуарду в качестве советчика, – пробормотал он.

– Я должен чувствовать себя польщенным, господин.

Альфред услышал покорную нотку в моем голосе, и она ему не понравилась. Он напрягся, и я ожидал его обычного выговора, но король скорее огорчился, чем рассердился.

– Господь благословил меня, когда я взойшел на трон, – тихо проговорил он. – Господин Утред, казалось невозможным отбить атаки датчанам. Однако милостью Божьей Уэссекс уцелел. У нас есть церкви, монастыри, школы, законы. Мы создали страну, где обитает Бог, и мне не верится, что воля Господа заключается в том, что все это должно исчезнуть, когда меня призовут предстать пред Его судом.

– Может, до этого момента еще много лет, господин, – сказал я все тем же почтительным тоном.

– Не будь дураком! – прорычал Альфред с внезапным гневом.

Он содрогнулся, на мгновение прикрыл глаза, а когда заговорил снова, голос его был тихим и безжизненным.

– Я чувствую приближение смерти, господин Утред. Это похоже на засаду. Я знаю – она там, и ничего не могу поделать, чтобы ее избежать. Она заберет меня и уничтожит, но я не хочу, чтобы вместе со мной она уничтожила Уэссекс.

– Если такова воля вашего Бога, – грубо ответил я, – тогда я ничего не могу поделать, да и Эдуард не в силах этого остановить.

– Мы не марионетки в руках Божьих, – раздраженно буркнул Альфред. – Мы все – Его инструменты. Мы выковываем нашу судьбу.

Он с горечью посмотрел на меня, потому что никогда не мог простить, что я предпочел христианству другую религию.

– Разве ваши боги не вознаграждают вас за хорошее поведение? – спросил король.

– Мои боги своенравны, господин.

Я услышал слово «своенравны» от епископа Эркенвальда, который использовал его как оскорбление. Но как только я узнал, что оно означает, слово понравилось мне. Мои боги своенравны.

– Как ты можешь служить своенравному богу? – спросил Альфред.

– Я и не служу.

– Но ты сказал...

– Что они своенравны, – перебил я, – но так уж боги развлекаются. Моя задача – не служить им, а развлекать их, и, если мне это удастся, они вознаградят меня в следующей жизни.

– Развлекать их?

Судя по голосу Альфреда, он был шокирован.

– Почему бы и нет? – спросил я. – У нас есть кошки, собаки и соколы, которых мы держим для своего удовольствия, и боги создали нас для того же. Зачем тебя создал твой Бог?

– Для того, чтобы я был Его слугой, – твердо проговорил Альфред. – Если я – кошка Бога, тогда я должен ловить мышей дьявола. Это – долг, господин Утред, долг.

– Ну а мой долг – поймать Харальда и отсечь ему голову. Полагаю, это развлечет моих богов.

– Твои боги жестоки. – Он содрогнулся.

– Люди жестоки, а боги сотворили нас подобными себе. Некоторые боги добры, некоторые жестоки. Вот и мы такие же. Если это позабавит богов, Харальд снесет мою голову с плеч.

Я прикоснулся к своему амулету-молоту.

Альфред поморщился:

– Бог сделал нас своими инструментами, и я не знаю, почему он выбрал тебя, язычника. Но Он и вправду выбрал тебя, и ты хорошо мне служил.

То, с каким жаром говорил король, удивило меня, и я склонил голову в знак признательности:

– Благодарю, господин.

– А теперь я хочу, чтобы ты послужил моему сыну.

Я должен был это предвидеть, но почему-то его просьба застала меня врасплох.

Мгновение я молчал, пытаюсь придумать, что сказать.

– Я согласился служить тебе, господин, – в конце концов ответил я, – и служил тебе, но у меня есть свои битвы, которые я должен пройти.

– Беббанбург, – негромко проговорил он.

– Он – мой, – твердо проговорил я. – И прежде чем умру, я желаю видеть, как мое знамя развевается над его воротами и как мой сын достаточно окреп, чтобы его защитить.

Альфред пристально посмотрел на зарево вражеских огней. Я заметил, как широко разбросаны эти огни, – это говорило о том, что Харальд еще не сосредоточил свою армию в одном месте.

«Чтобы собрать всех людей, грабящих сельскую местность, нужно время, – подумал я, – значит битвы не будет ни завтра, ни послезавтра».

– Беббанбург, – сказал Альфред, – это островок англичан посреди моря датчан.

– Верно, господин. – Я заметил, что он употребил слово «англичане».

Слово это включало в себя все племена, явившиеся сюда из-за моря, будь то саксы, англ или юты, и говорило об амбициях короля.

– Лучший способ обезопасить Беббанбург, – продолжил Альфред, – это сделать так, чтобы его окружало больше английских земель.

– Прогнать датчан из Нортумбрии?

– Если будет на то Божья воля. Я желаю, чтобы сын мой совершил это великое деяние.

Альфред повернулся ко мне и на мгновение перестал быть королем, став всего лишь отцом.

– Помоги ему, господин Утред, – умоляюще проговорил он. – Ты – мой *dux bellorum*², мой военный вождь, и люди знают, что, если ты ведешь их в бой, они победят. Прогони врага из Англии, таким образом верни свою крепость и сделай так, чтобы сын мой был в безопасности на дарованном ему Богом троне.

Он не льстил мне, а говорил правду. Я был полководцем Уэссекса и гордился этой репутацией. Я шел в битву, блистая золотом, серебром и славой, и должен был понимать, что богов это возмутит.

– Я хочу, чтобы ты дал клятву моему сыну, – сказал Альфред тихо, но твердо.

Я мысленно выругался, но уважительно уточнил:

– Какую клятву, господин?

– Я хочу, чтобы ты служил Эдуарду, как служил мне.

Так Альфред привяжет меня к Уэссексу, к христианскому Уэссексу, лежащему так далеко от моего северного дома. Я провел первые десять лет жизни в Беббанбурге, в огромной скалистой твердыне на Северном море. Когда же отправился на войну, крепость осталась под присмотром моего дяди, и он украл ее у меня.

– Я дам клятву тебе, господин, – сказал я, – и никому другому.

– У меня уже есть твоя клятва.

– И я буду ее держать.

– А когда я умру, – горько поинтересовался он, – что тогда?

– Тогда, господин, я отправлюсь в Беббанбург, и возьму его, и буду властвовать там, и проведу свои дни рядом с морем.

– А если моему сыну будет угрожать опасность?

– Тогда его должен защищать Уэссекс, как я сейчас защищаю тебя.

– И с чего ты решил, что способен меня защитить?

Теперь Альфред сердился.

– Ты заберешь мою армию к Феарнхэмму? Ты не можешь быть уверен, что Харальд придет туда!

– Он придет туда, – ответил я.

– Ты не можешь этого знать!

– Я заставлю его прийти.

² Римский военный титул, которого удостоивались великие военачальники.

– Каким образом? – требовательно спросил Альфред.

– За меня это сделают боги.

– Ты – дурак! – огрызнулся он.

– Если не доверяешь мне, – с тем же напором отозвался я, – тогда у тебя есть зять, который хочет быть твоим полководцем. Или твой сын сам будет командовать армией? Предоставишь такой шанс Эдуарду?

Король содрогнулся; я подумал – от гнева, но, когда он заговорил, голос его был терпелив.

– Я просто хочу знать, почему ты так уверен, что враг сделает то, чего ты от него ждешь.

– Потому что боги своенравны, – высокомерно заметил я, – и я собираюсь их развлечь.

– Просто скажи мне, – устало пробормотал Альфред.

– Харальд – дурак. И к тому же влюбленный дурак. У нас его женщина. Я заберу ее в Феарнхэм, и он последует туда же, потому что одурманен ею. Но даже если бы у меня не было его женщины, он все равно последовал бы за мной.

Я думал, что король будет издеваться над этим, но он молча поразмыслил над моими словами, а потом молитвенно сложил руки:

– Я испытываю искушение усомниться в тебе, но брат Годвин заверил, что ты даруешь нам победу.

– Брат Годвин?

Мне хотелось узнать побольше о странном слепом монахе.

– С ним говорит Бог, – заявил Альфред со спокойной уверенностью.

Я чуть было не рассмеялся, но потом подумал, что боги и впрямь говорят с нами, хотя обычно с помощью знаков и предзнаменований.

– Он принимает все решения за тебя, господин? – угрюмо уточнил я.

– Бог помогает мне во всем, – отрезал Альфред и отвернулся.

Колокол звал христиан на молитву в новой церкви Эскенгама.

* * *

Боги своенравны, а я собирался их развлечь.

И Альфред оказался прав. Я был дураком.

Чего хотел Харальд? Или, если уж на то пошло, чего хотел Хэстен?

Насчет Хэстена ответить было проще, потому что он куда более умный и амбициозный человек и желал владеть землей. Желал стать королем.

Скандинавы явились в Британию в поисках королевств, и самые удачливые нашли свои троны. Один скандинав правил в Нортумбрии, другой – в Восточной Англии, и Хэстен хотел быть равным им. Он желал заполучить корону, сокровища, женщин и высокое положение, а оставалось только два места, где Хэстен мог все это обрести. Одно – Мерсия, а второе – Уэссекс.

Мерсия предлагала лучшие перспективы. Она не имела короля и была расколота войной. Север и восток страны управлялись ярлами, могущественными датчанами, имевшими сильные войска, каждую ночь запиравшими свои ворота на засовы; в то время как юг и восток оставались землей саксов. Последние искали защиты у моего кузена Этельреда, и тот защищал их, но лишь потому, что унаследовал огромные богатства и наслаждался твердой поддержкой своего тестя Альфреда.

Мерсия не являлась частью Уэссекса, однако выполняла приказы оттуда, и Альфред оставался истинной силой, стоящей за спиной Этельреда.

Хэстен мог напасть на Мерсию; он нашел бы союзников на севере и на востоке, но рано или поздно очутился бы лицом к лицу с войсками сакской Мерсии и Альфреда Уэссекского. А Хэстен был осторожным человеком. Он устроил лагерь на пустынном берегу Уэссекса, но

не совершал ничего провокационного. Выжидал, уверенный, что Альфред заплатит ему за то, чтобы он ушел, – что король и сделал. А еще Хэстен ждал, желая посмотреть, что натворит Харальд.

Вероятно, Харальд хотел трона, но больше всего он жаждал все, что блестит. Он жаждал серебра, золота и женщин. Как ребенок, который видит что-то красивое и вопит до тех пор, пока этого не получит. Жадно собирая свои побрякушки, он мог захватить и трон Уэссекса, но не трон являлся его целью. Харальд явился сюда потому, что тут было полно сокровищ, и теперь разорял землю, захватывая добычу, в то время как Хэстен просто наблюдал.

По-моему, хитрый датчанин надеялся, что дикие войска Харальда так ослабят Альфреда, что он, Хэстен, сможет потом явиться и захватить всю землю. Если Уэссекс был быком, то люди Харальда – взбесившимися от крови терьерами, которые нападали стаей; большинству их них суждено будет умереть во время этой атаки, но они подорвут силы быка, и тогда явится мастиф Хэстен и закончит дело.

Итак, чтобы сдержать Хэстена, мне нужно было сокрушить самые сильные войска Харальда. Бык, может, и не ослабеет, но терьеров надлежало убить, а они были опасными и злобными, однако недисциплинированными, и теперь я буду искушать их сокровищем. Я буду искушать их гладкой красотой Скади.

* * *

Пятьдесят человек, которых я разместил в Гodelмингаме, бежали из этого города на следующее утро, отступив перед большим отрядом датчан.

Мои люди в тучах брызг проскакали через реку и вереницей въехали в Эскенгам, в то время как датчане стояли вдоль дальнего берега и смотрели на яркие знамена, свисающие с восточного палисада бурга. На знаменах были вышиты кресты и святые – указание на высокий ранг Альфреда. И чтобы враги знали наверняка, что король в бургe, я заставил Осферта медленно пройти по стене, облачившись в яркий плащ, с обручем из сияющей бронзы на голове.

Осферт, один из моих людей, был незаконнорожденным сыном короля. Об этом знали немногие, хотя его сходство с отцом бросалось в глаза. Его родила служанка, которую Альфред затащил в постель в те дни, когда христианство еще не взяло в плен его душу.

Однажды, в момент неосторожной откровенности, король признался мне, что Осферт для него – постоянный упрек.

– Напоминание, – сказал Альфред, – о грехе, некогда совершенном мною.

– Это сладкий грех, господин, – легкомысленно ответил я.

– Большинство грехов сладки – такими их создал дьявол.

Какой извращенной должна быть религия, чтобы превратить удовольствия в грех? Стареющие боги, хотя они никогда не отказывали нам в удовольствиях, в наши дни увядают. Люди бросают их, предпочитая бич и узду христианского распятого Бога.

Итак, Осферт – напоминание о сладком грехе Альфреда – сыграл в то утро короля. Я сомневался, что он этим наслаждался, потому что терпеть не мог отца, который пытался превратить его в священника. Осферт восстал против такого предназначения и вместо этого стал одним из моих личных воинов. Он не был прирожденным бойцом, в отличие от Финана, но в дела войны привнес недюжинный ум, а ум – оружие с острым лезвием, которое далеко разит.

Все войны заканчиваются «стеной щитов», где люди рубятся в пьяной ярости топорами и мечами. Однако искусство войны заключается в том, чтобы манипулировать врагом и сделать так, чтобы, когда приближаются эти мгновения хаоса, преимущество было на твоей стороне.

Поставив Осферта на стене Эскенгама, я пытался искушать Харальда. Я намекал нашим врагам, что там, где находится король, есть сокровище. Приходите в Эскенгам, говорил я им.

И, чтобы искушение стало сильнее, показал Скади датским воинам, собравшимся на дальнем берегу реки.

В нас было выпущено несколько стрел, но враги прекратили стрелять, когда узнали Скади. Она невольно помогла мне, вопя людям на другом берегу реки:

– Придите и убейте их всех!

– Я заткну ей рот, – вызвался Стеапа.

– Пусть сука скулит, – возразил я.

Она притворялась, будто не говорит по-английски, но наградила меня испепеляющим взглядом, прежде чем посмотреть через реку.

– Они трусы! – заорала Скади датчанам. – Сакские трусы! Скажите Харальду, что они умрут, как овцы.

Скади шагнула ближе к палисаду. Она не могла перелезть через стену, потому что я приказал надеть ей на шею веревку, которую держал один из людей Стеапы.

– Передайте Харальду, что его шлюха здесь! – крикнул я людям на другом берегу реки. – И скажите, что она слишком шумит! Может, мы вырежем ей язык, чтобы послать Харальду на ужин!

– Козье дерьмо! – обозвала она меня.

Потом потянулась к вершине палисада и выдернула стрелу, вонзившуюся в одно из дубовых бревен. Стеапа немедленно шагнул, чтобы ее разоружить, но я махнул ему, веля отступить. Не обращая на нас внимания, Скади уставилась на наконечник стрелы, потом внезапным скручивающим движением сорвала его с оперенного древка. Древко она швырнула через стену, посмотрела на меня, поднесла наконечник к губам, закрыла глаза и поцеловала железо. Скади пробормотала несколько слов, которые я не расслышал, снова прикоснулась губами к железу, толкнула наконечник себе под рубашку, поколебалась и кольнула себя между грудями.

Бросив на меня торжествующий взгляд, она показала окровавленный наконечник, бросила его в реку, подняла руки и запрокинула лицо к летнему небу. Скади завопила, привлекая внимание богов, а когда ее вопль утих, снова повернулась ко мне.

– Утред, ты проклят, – известила она таким тоном, словно говорила о погоде.

Я подавил желание прикоснуться к амулету-молоту у себя на шее, потому что, поступив так, показал бы, что боюсь ее проклятий. Вместо этого я глумливо усмехнулся, притворяясь, что отмахиваюсь от ее слов:

– Не трать попусту дыхание, сука.

И все-таки я опустил руку на меч и потер пальцем серебряный крест, вставленный в рукоять Вздоха Змея. Крест для меня ничего не значил, если не считать того, что это был подарок Хильды, моей бывшей любовницы, а теперь – невероятно набожной аббатисы. Думал ли я, что, прикасаясь к кресту, заменяю тем самым прикосновение к молоту? Боги бы с этим не согласились.

– Когда я была ребенком, – внезапно проговорила Скади все тем же небрежным тоном, как будто мы были друзьями, – мой отец избивал мою мать до потери сознания.

– Потому что она походила на тебя? – спросил я.

Она не обратила внимания на мою реплику:

– Он сломал ей ребра, руку и нос, а после, в тот же день, забрал меня на высокие пастбища, чтобы я помогла пригнать обратно стадо. Мне было двенадцать лет. Помню, как падали снежинки и как я его боялась. Хотелось спросить, почему он покалечил мою мать, но я боялась подавать голос. Потом он сам мне рассказал. Сообщил, что хочет выдать меня замуж за своего ближайшего друга, а мать против. Мне тоже была ненавистна мысль о таком браке, но он сказал, что я все равно выйду за этого человека.

– Предполагается, что я должен испытывать к тебе жалость? – уточнил я.

– Поэтому я столкнула его с обрыва, – продолжила Скади. – Я помню, как он падал сквозь снежинки, а я наблюдала, как тело отскакивает от скал, и слышала, как отец вопит.

Она улыбнулась:

– Я оставила его там. Он был еще жив, когда я согнала стадо вниз. Я перелезла через скалы и помочилась ему на лицо, прежде чем он умер.

Скади спокойно посмотрела на меня:

– Это было моим первым проклятием, лорд Утред, но не последним. Я сниму с тебя проклятие, если ты отпустишь меня.

– Думаешь, ты можешь напугать меня так, что я верну тебя Харальду? – забавляясь, спросил я.

– Ты вернешь меня, – уверенно проговорила она. – Вернешь.

– Уведите ее, – приказал я, устав от Скади.

* * *

Харальд явился к полудню.

Один из людей Стеапы принес мне весть об этом, и я снова поднялся на укрепления, чтобы увидеть Харальда Кровавые Волосы на другом берегу реки. Он был в кольчуге, вместе с ним прискакали пятьдесят его товарищей. На его знамени был вышит топор без топорща; древко венчал череп волка, выкрашенный в красный цвет.

Харальд оказался крупным мужчиной; конь его тоже был большим, но все равно конунг как будто сидел на карликовом скакуне. На таком расстоянии я не мог разглядеть его хорошенько, но ясно видел его желтые волосы, длинные, густые, не запятнанные кровью, и широкую бороду.

Некоторое время он пристально смотрел на стену Эскенгама, потом расстегнул пояс с мечом, бросил оружие одному из своих людей и послал коня в реку.

День был теплым, но поверх кольчуги Харальд носил еще и огромный плащ из черной медвежьей шкуры, благодаря которому казался чудовищно огромным. На его запястьях и вокруг шеи блестело золото, как и на уздечке его коня.

Харальд довел коня до середины реки, там, где вода захлестывала сапоги датчанина.

Любой из лучников на стене Эскенгама смог бы его подстрелить, но Харальд демонстративно разоружился, что означало: он желает поговорить, и я отдал приказ, чтобы в него не стреляли.

Сняв шлем, он рассматривал людей на укреплениях до тех пор, пока не заметил Осферта в бронзовом обруче на голове. Харальд никогда не видел Альфреда и принял внебрачного сына за его отца.

– Альфред! – заорал он.

– Король не разговаривает с разбойниками! – крикнул я в ответ.

Харальд ухмыльнулся. У него было широкое, как совок для ячменя, лицо, кривой с горбинкой нос, большой рот, а глаза – хищные, как у волка.

– Ты – Утред Говнюксон? – приветствовал он меня.

– Я знаю, что ты – Харальд Робкий, – ответил я оскорблением на оскорбление, как и полагалось.

Он уставился на меня. Теперь, когда Харальд был ближе, я разглядел, что его желтые волосы и борода в брызгах грязи, жирные и скатавшиеся, как волосы трупа, похороненного в дерьме. Река бурлила вокруг жеребца.

– Скажи своему королю, – обратился ко мне Харальд, – что он может избавить себя от многих бед, если уступит мне трон.

– Альфред приглашает тебя прийти и взять этот трон, – ответил я.

– Но сначала, – Харальд подался вперед и похлопал по шее коня, – ты вернешь то, что принадлежит мне.

– У нас ничего твоего нет.

– Скади, – напрямик сказал он.

– Она твоя? – спросил я, притворившись удивленным. – Но шлюха наверняка принадлежит любому, кто может за нее заплатить!

Он бросил на меня полный ненависти взгляд.

– Если ты к ней прикоснулся, – прорычал Харальд, показывая на меня пальцем руки, затянутой в перчатку, – если к ней прикоснулся хоть один из твоих людей, клянусь членом Тора, я заставлю тебя умирать так медленно, что от твоих воплей зашевелиятся мертвецы в их ледяных пещерах!

«Он дурак, – подумал я. – Умный человек притворился бы, что эта женщина значит для него очень мало или вообще ничего».

Но Харальд уже продемонстрировал, чего стоит.

– Покажи мне ее! – потребовал он.

Я заколебался, будто прикидывая что-то. Я хотел, чтобы Харальд покрепче вцепился в наживку, поэтому приказал двум людям Стеапы привести Скади.

Она появилась с веревкой на шее, но ее красота и спокойное достоинство словно делали ее главной на укреплениях. В тот момент мне подумалось, что она – самая царственная из всех женщин, каких я когда-либо видел.

Скади двинулась к палисаду и улыбнулась Харальду, который послал своего коня на несколько шагов вперед.

– Они прикасались к тебе? – уточнил он у Скади.

Прежде чем ответить, она бросила на меня издевательский взгляд.

– Они недостаточно мужчины, господин! – крикнула Скади.

– Поклянись! – отозвался датчанин; в его голосе ясно слышалось отчаяние.

– Клянусь, – ответила она нежно.

Харальд развернул коня так, что тот встал боком ко мне. Подняв руку в перчатке, датчанин показал на меня:

– Ты выставил ее голой, Утред Говнюксон.

– Хочешь, чтобы я снова выставил ее так?

– За это ты лишишься глаз, – прорычал он, заставив Скади засмеяться. – Отпусти ее сейчас же, – продолжал Харальд, – и я тебя не убью! Вместо этого я посажу тебя на веревку слепым и голым и покажу всему миру.

– Ты твякаешь, как щенок, – отозвался я.

– Сними веревку с ее шеи, – приказал Харальд, – и немедленно пошли ее ко мне!

– Приди и возьми ее, щенок! – крикнул я в ответ.

Я чувствовал подъем духа.

«Харальд доказал, что он – упрямый дурак», – подумал я.

Он желал Скади больше, чем желал Уэссекса, даже больше всех сокровищ королевства Альфреда. Помню, я решил, что привел его в точности туда, куда мне хотелось, словно на поводке...

Но тут он повернул коня и показал на увеличивающуюся толпу воинов на речном берегу. А из-за деревьев, густо растущих на дальнем берегу реки, появилась цепочка женщин и детей. То были наши люди, саксы, связанные друг с другом, потому что их захватили в рабство. Люди Харальда, грабя Восточный Уэссекс, без сомнения, хватали каждого ребенка и каждую молодую женщину, каких могли найти, и, кончив забавляться с пленницами, отправляли их на кораблях на рынки рабов во Франкии.

Но этих женщин и малюток привели на берег реки, где по приказу Харальда они опустились на колени. Самому младшему ребенку было примерно столько же лет, сколько моей Стиорре, и я все еще вижу глаза этой девочки, когда та смотрела вверх, на меня. Она видела полководца в сияющей славе, а я не видел ничего, кроме жалкого отчаяния.

– Начинайте! – крикнул Харальд своим людям.

Один из его воинов, ухмыляющееся животное, которое как будто могло побороть быка, шагнул к женщине на южном конце цепочки. Он высоко взмахнул боевым топором, а потом опустил – так, что лезвие раскроило несчастной череп и вонзилось в туловище. Сквозь шум реки я услышал хруст кости и увидел, как кровь брызнула выше головы Харальда, сидевшего на коне.

– Одна! – крикнул Харальд и сделал жест забрызганному кровью мужчине с топором.

Тот быстро шагнул влево, чтобы встать позади девочки, которая вопила, потому что видела, как только что убили ее мать. Вновь взмыло красное лезвие топора.

– Подожди! – окликнул я.

Харальд поднял руку, чтобы удержать топор в воздухе, и издевательски улыбнулся мне:

– Ты что-то сказал, господин Утред?

Я не ответил. Лишь наблюдал, как кровь растворяется в воде, исчезая вниз по течению.

Воин рассек веревку, привязывавшую мертвую женщину к ее ребенку, и пинком швырнул труп в реку.

– Говори, господин Утред, пожалуйста, говори, – сказал Харальд с преувеличенной вежливостью.

Остались тридцать три женщины с детьми. Если я ничего не сделаю, все они умрут.

– Перережьте ее веревку, – тихо приказал я.

Веревка на шее Скади была перерезана.

– Иди, – велел я ей.

Я надеялся, что она переломает ноги, спрыгнув с палисада, но сука гибко приземлилась, взобралась по дальней стороне рва и подошла к берегу реки.

Харальд поскакал к ней, протянув руку, и она взметнулась в седло позади него.

Скади посмотрела на меня, прикоснулась пальцем к губам и вытянула руку в мою сторону.

– Ты проклят, господин Утред, – с улыбкой крикнула она.

Потом Харальд ударил коня в бока и вернулся на дальний берег реки, туда, где женщин и детей вели обратно под деревья с густой листвой.

Итак, датчанин получил что хотел.

Но Скади желала стать королевой, а Харальд хотел меня ослепить.

– И что теперь? – спросил Стеапа низким рычащим голосом.

– Мы убьем ублюдка, – ответил я.

И, как слабую тень в пасмурный день, я ощутил проклятие Скади.

* * *

Той ночью я наблюдал за заревом костров Харальда, не за ближайшими в Гodelмингаме, хотя они были довольно яркими, а за слабым отсветом более отдаленных огней. И заметил, что теперь бо́льшая часть неба стала темной. Последние несколько ночей огни были рассыпаны по всему Уэссексу, но теперь они стали ближе, значит люди Харальда собирались в одной точке.

Без сомнения, он надеялся, что Альфред останется в Эскенгаме, поэтому собирал свое войско не для того, чтобы взять нас в осаду, но, вероятно, для того, чтобы совершить внезапную стремительную атаку на столицу Альфреда, Винтанкестер.

Несколько датчан пересекли реку и объехали вокруг стен Эскенгама, но большинство оставались на дальнем берегу. Они делали то, чего я хотел, однако в ту ночь на сердце у меня было тяжело, хоть я и притворялся уверенным.

– Завтра, господин, – сказал я Эдуарду, сыну Альфреда, – враг пересечет реку. Они будут преследовать меня, а ты позволишь им проехать мимо бурга, выдержишь один час, а потом последуешь за ними.

– Понимаю, – нервно ответил он.

– Следуй за ними, но не вступай в бой до тех пор, пока не доберешься до Феарнхэмма.

Стеапа, стоявший рядом с Эдуардом, нахмурился.

– А если они кинутся на нас?

– Не кинутся, – ответил я. – Просто выдержи до тех пор, пока их войско не проскачет мимо, а после следуй за ними до самого Феарнхэмма.

Это казалось несложным заданием, но я сомневался, что все получится так легко. Большинство врагов пересекут реку одним рывком, полные нетерпения, в погоне за мной, но оставшие будут следовать за ними весь день. Эдуарду придется оценить, когда самая большая часть армии Харальда окажется в часе пути впереди него, и тогда, не обращая внимания на отставших, преследовать Харальда до Феарнхэмма. Трудное решение, но советчиком Эдуарда станет Стеапа. Может, Стеапа и не слишком умен, зато обладал инстинктом убийцы, и этому инстинкту я доверял.

– У Феарнхэмма, – начал Эдуард, потом заколебался.

Показавшийся между облаками месяц озарил его бледное встревоженное лицо. Эдуард походил на отца, но в нем сквозила нерешительность, что было неудивительно. Ему исполнилось всего семнадцать лет, однако на него взвалили обязанности взрослого мужчины. С ним будет Стеапа, но, если Эдуард собирается стать королем, ему придется научиться нелегкому делу – принимать решения самому.

– У Феарнхэмма все будет просто, – небрежно бросил я. – Я и мерсийцы встанем к северу от реки. Мы займем холм, защищенный земляным валом. Люди Харальда пересекут укрепление, чтобы нас атаковать, а ты нападешь на них с тыла. Когда ты это сделаешь, мы атакуем их авангард.

– Просто? – эхом повторил Стеапа с намеком на веселье.

– Мы раздавим их, зажав между нашими войсками.

– С Божьей помощью, – твердо проговорил Эдуард.

– Даже без нее! – прорычал я.

* * *

Эдуард задавал мне вопросы почти час, вплоть до того, как колокол позвал его на молитву.

Он, как и его отец, хотел все понять и все обустроить, уложив в аккуратные списки, но это была война, а война никогда не бывает аккуратной. Я верил, что Харальд погонится за мной, верил, что Стеапа приведет большую часть армии Альфреда вслед за Харальдом, но я не смог бы дать Эдуарду никаких обещаний. Он хотел определенности, но я планировал битву и почувствовал облегчение, когда наследник ушел молиться вместе со своим отцом.

Стеапа оставил меня, и я стоял на укреплениях один. Часовые меня не тревожили, каким-то образом почувствовав мое дурное расположение духа. Услышав шаги, я не обратил на них внимания, в надежде, что, кто бы там ни был, он уйдет и оставит меня в покое.

– Тот самый лорд Утред, – произнес с ласковой насмешкой голос, когда шаги стихли за моей спиной.

– Та самая госпожа Этельфлэд, – отозвался я, не обернувшись.

Она сделала еще несколько шагов и встала передо мной:

– Как Гизела?

Я прикоснулся к молоту Тора у себя на шее:

– Собирается снова родить.

– Четвертый ребенок?

– Да, – ответил я и вознес молитву к дому богов, чтобы Гизела выжила в родах. – Как Эльфинн?

Эльфинн была дочерью Этельфлэд, еще младенцем.

– Растет и процветает.

– Единственный ребенок?

– И останется единственным, – горько проговорила Этельфлэд.

Я посмотрел на ее профиль, такой изящный в лунном свете.

Я знал Этельфлэд с младенчества. Тогда она была самым счастливым, самым беззаботным из детей Альфреда, но теперь ее лицо сделалось настороженным, как будто она съежилась после дурного сна.

– Отец зол на тебя, – сказала она.

– А бывало иначе?

На лице Этельфлэд промелькнула слабая улыбка.

– Он хочет, чтобы ты дал клятву Эдуарду.

– Знаю.

– Тогда почему ты ее не дашь?

– Потому что я не раб, которого передают новому господину.

– О! – В голосе ее звучал сарказм. – Значит, ты не женщина?

– Я забираю свою семью на север.

– Если мой отец умрет... – Этельфлэд заколебалась. – Когда мой отец умрет, что станется с Уэссексом?

– Им будет править Эдуард.

– Которому нужен ты.

Я пожал плечами.

– Пока ты жив, господин Утред, – продолжала Этельфлэд, – датчане задумаются, прежде чем на нас напасть.

– Харальд не задумался.

– Потому что он – дурак, – пренебрежительно бросила Этельфлэд. – И завтра ты его убьешь.

– Может быть, – осторожно ответил я.

Звук голосов заставил Этельфлэд повернуться, она увидела выходящих из церкви людей.

– Мой муж, – проговорила она – эти два слова были пропитаны ненавистью, – отправил послание господину Алдхельму.

– Алдхельм возглавляет войско мерсийцев?

Этельфлэд кивнула.

Я знал Алдхельма. Он был любимчиком моего кузена и человеком непомерных амбиций, коварным и умным.

– Надеюсь, твой муж приказал Алдхельму отправиться к Феарнхэмму.

– Так он и поступил.

Потом понизила голос и заговорила быстрее:

– Но еще он послал Алдхельму распоряжение отступить на север, если враг будет слишком силен.

Я подозревал, что это случится.

– Итак, Алдхельм должен сохранить мерсийскую армию?

– А как еще мой муж сможет захватить Уэссекс, когда мой отец умрет? – спросила Этельфлэд шелковым невинным голосом.

Я покосился на нее сверху вниз, но она глядела только на огни Годелмингама.

– Алдхельм будет сражаться? – спросил я.

– Нет, если это ослабит мерсийскую армию, – ответила она.

– Значит, завтра мне придется убедить Алдхельма выполнить свой долг.

– Но у тебя нет над ним власти, – сказала Этельфлэд.

Я похлопал по рукояти Вздоха Змея:

– У меня есть это.

– И у него пять сотен воинов, – продолжала Этельфлэд. – Но есть тот, кого он послушается.

– Ты?

– Поэтому завтра я поеду с тобой.

– Муж тебе запретит.

– Конечно запретит, – спокойно произнесла она, – но мой муж ничего не узнает. И ты окажешь мне услугу, господин Утрэд.

– Я всегда к твоим услугам, – ответил я преувеличенно беззаботно.

– Правда?

Она повернулась, чтобы посмотреть мне в глаза.

Я глянул на ее печальное милое лицо и понял, что просьба ее будет серьезной.

– Да, моя госпожа, – ласково сказал я.

– Тогда завтра, – горько проговорила она, – убей их всех. Убей всех датчан. Сделай это для меня, господин Утрэд.

Она прикоснулась к моей руке кончиками пальцев.

– Убей их всех.

Она любила датчанина и потеряла его в битве и теперь желала убить их всех.

* * *

У корней Иггдрасиля, древа жизни, сидят три пряжи. Они прядут нити нашей судьбы, и эти три пряжи сделали клубок пряжи из чистого золота для жизни Этельфлэд, но за минувшие годы вплели яркие нити в куда более темную ткань. Три пряжи видят наше будущее. Дар богов человечеству – то, что мы не можем видеть, куда будут направлены нити наших судеб.

Я слышал, как датчане поют в лагере на том берегу реки.

А завтра я уведу их к старому холму у реки. И там убью.

Глава четвертая

Следующий день был четвергом, Днем Тора, и я счел это добрым предзнаменованием. Как-то раз Альфред предложил переименовать дни недели, чтобы четверг стал Днем Марии, а может быть, Днем Святого Духа, но эта идея растаяла, как роса под летним солнцем. В христианском Уэссексе, нравилось это королю или нет, Тюр³, Один, Тор и Фригт все еще вспоминались каждую неделю.

И в тот День Тора я увел две сотни воинов к Феарнхэмму, хотя на длинной улице бурга еще до восхода солнца собралось больше шестисот всадников.

Царил обычный хаос.

Стремянные ремни лопались, люди искали им замену, дети шмыгали между лошадьми, мечи точились в последний раз, по узким улицам, как туман, плыл дым от костров, на которых готовилась еда, звонил церковный колокол, монахи нараспев молились – а я стоял на укреплениях и наблюдал за дальним берегом реки.

Датчане, которые вчера переправились на наш берег, вернулись обратно еще до наступления темноты. Я видел дым их костров, поднимающийся между деревьями, но единственными врагами в поле моего зрения были двое часовых, присевшие у берега реки.

На мгновение я испытал искушение бросить все, что задумал, вместо этого повести шестьсот человек через реку и позволить им разорить лагерь Харальда, но искушение было мимолетным.

Я предположил, что большинство людей Харальда в Годелмингаме, и к тому времени, как мы до них доберемся, они полностью проснутся.

Водоворот внезапной битвы может дать свой результат, но датчане неминуемо поймут, что на их стороне – преимущество в численности, и разорвут нас в кровавые клочья.

Мне хотелось сдержать обещание, данное Этельфлэд. Я хотел убить их всех.

Когда встало солнце, я сделал свой первый ход, и сделал его громко.

В Эскенгаме затрубили рога, потом северные ворота отворились, и четыре сотни всадников устремились в поля. Первые всадники остановились на берегу реки, там, где их ясно видели датчане, и ждали, пока остальные не проедут через ворота. Как только все четыре сотни собрались вместе, они повернули на запад и быстро поскакали под деревьями к дороге, ведущей к Винтанкестеру.

Я все еще находился на укреплениях, откуда наблюдал, как датчане собрались и устали на то, что происходит на нашем берегу. Я не сомневался, что гонцы уже мчатся галопом, чтобы найти Харальда и сообщить ему, что армия саксов отступает.

Только мы не отступали, потому что, едва очутившись под деревьями, четыреста человек сделали крюк, вернулись и снова въехали в Эскенгам через западные ворота, скрытые от глаз врага.

Вот тогда я спустился на главную улицу и сел в седло Смоки. Я оделся для войны – кольчуга, золото и железо.

Альфред появился в дверях церкви, полуприкрыв глаза, когда внезапно после святого полумрака очутился на солнечном свете. Он ответил кивком на мое приветствие, но ничего не сказал.

Этельред, мой кузен, был куда громогласнее: он требовал, чтобы ему сообщили, где его жена. Я слышал, как слуга доложил, что Этельфлэд молится в женском монастыре. Это, казалось, удовлетворило Этельреда, который громко заверил меня, что его мерсийские войска будут ждать у Феарнхэмма.

³ Тюр – однорукий бог воинской доблести и мудрости.

– Алдхельм – хороший человек, – сказал он. – Ему нравится сражаться.

– Рад этому, – отозвался я, притворяясь другом кузена, точно так же как Этельред притворялся, что не давал никаких секретных наставлений отступить на север, если Алдхельм решит, что врагов слишком много и они слишком сильны.

Я даже протянул руку, нагнувшись с высокого седла Смоки.

– Мы завоюем великую победу, господин Этельред, – в полный голос произнес я.

Этельреда на миг как будто удивила моя любезность, но тем не менее он пожал мою руку.

– С Божьей помощью, кузен, – сказал он. – С Божьей помощью.

– Я буду молиться об этом.

Король кинул на меня подозрительный взгляд, но я только жизнерадостно улыбнулся.

– Приведи войска, когда ты сочтешь, что настал подходящий момент, – окликнул я сына Альфреда, Эдуарда. – И всегда слушайся советов господина Этельреда.

Эдуард посмотрел на отца в ожидании подсказки – что ответить, но король промолчал. Эдуард нервно кивнул:

– Я так и поступлю, господин Утред. И да будет с вами Господь!

Господь, может, и будет со мной, но Этельред – нет. Он решил отправиться с войсками восточных саксов, которые последуют за датчанами, – и таким образом стать частью молота, что сокрушит войска Харальда на наковальне мерсийских воинов. Я слегка опасался, что Этельред захочет отправиться со мной, но он решил остаться с шурином, и это имело смысл: если Алдхельм вздумает отступить, обвинить в том Этельреда будет нельзя.

Я подозревал, что имелась еще одна причина. Когда Альфред умрет, Эдуарда провозгласят королем, но только если витан не захочет возвести на трон более зрелого и опытного человека. И Этельред, без сомнения, верил, что завоюет больше славы, сражаясь сегодня вместе с восточными саксами.

Натянув шлем с головой волка, я послал Смоку ближе к угрюмому Стеапе. Тот ожидал рядом с кузней, облаченный в кольчугу и увешанный оружием. Из дверей вился дым горящего угля.

Я наклонился и хлопнул друга по шлему:

– Ты знаешь, что делать?

– Расскажи мне это еще раз, – прорычал он, – и я вырву тебе печень и зажарю ее.

Я ухмыльнулся.

– Увидимся вечером, – бросил я.

Мне пришлось делать вид, что восточными саксами командует Эдуард, а Этельред – его главный советник, но на самом деле доверил Стеапе позаботиться о том, чтобы день прошел, как я запланировал. Я хотел, чтобы Стеапа выбрал момент, когда семь сотен воинов покинут Эскенгам и пустятся вдогонку за людьми Харальда. Если они уедут слишком рано, Харальд сможет повернуться и покрошить их на куски, а если они выступят слишком поздно, моих семьсот воинов перебьют у Феарнхэмма.

– Сегодня мы собираемся одержать славную победу, – напомнил я Стеапе.

– Если будет на то Божья воля, господин.

– Если будет на то воля твоя и моя, – со смехом парировал я, наклонился и принял из рук слуги тяжелый щит из дерева липы.

Повесив щит за спину, я послал Смоку к северным воротам, где ожидала цветистая повозка Альфреда, запряженная шестью лошадьми. Мы впрягли в громоздкую повозку лошадей, потому что они быстрее быков. Единственным пассажиром был несчастный с виду Осферт, одетый в ярко-голубой плащ, с бронзовым обручем на голове. Датчане не знали, что Альфред чурается большинства символов королевской власти. Они считали, что король обязан носить корону, поэтому я приказал Осферту надеть эту полированную побрякушку.

Я также уговорил аббата Ослака дать мне две наименее ценные монастырские реликвии. В одной из них – серебряном ларце, покрытом изображениями святых и усеянном гагатом и янтарем, раньше хранилась кость пальца ноги святого Седды, но теперь в ящике лежала галька. Это озадачит датчан, если, как я надеялся, они захватят повозку. Во втором ларце, тоже из серебра, хранилось перо голубя, потому что Альфред славился тем, что никуда не отправлялся без пера, выдернутого из голубя, которого Ной выпустил из своего ковчега. Кроме реликвий, в повозку поместили окованный железом сундук, наполовину полный серебра. Наверное, мы потеряем это серебро, но я рассчитывал заполнить куда больше.

Аббат Ослак, в кольчуге под монашеской рясой, настоял на том, чтобы сопровождать моих воинов. На его левом боку висел щит, к широкой спине он пристегнул громадный военный топор.

– Похоже, топором частенько пользовались, – приветствовал я аббата, заметив зазубрины на широком лезвии.

– Мне довелось послать в ад много язычников, господин Утред, – со счастливым видом подтвердил аббат.

Я ухмыльнулся и поскакал к воротам, где отец Беокка, мой старый и строгий друг, ожидал, чтобы нас благословить.

– Да будет с вами Бог, – сказал он, завидев меня.

Я улыбнулся, глядя на него сверху вниз.

Беокка был хромым, седовласым, косым и косопалым. И он был одним из лучших людей, кого я знал, хотя ужасно меня не одобрял.

– Молись за меня, отец, – попросил я.

– Я никогда не перестаю за тебя молиться.

– И не дай Эдуарду вывести людей из города слишком скоро! Доверься Стеапе! Он, может, и туп, как брюква, но знает, как надо сражаться.

– Я буду молиться, чтобы Бог даровал им обоим здравое суждение, – ответил мой старый друг.

Беокка протянул здоровую руку, чтобы стиснуть мою, затянутую в перчатку:

– Как Гизела?

– Скоро снова разродится. А как Тайра?

Его лицо осветилось, как трут, охваченный пламенем. Этот уродливый калека, над которым насмехались дети на улицах, женился на датчанке удивительной красоты.

– Бог держит ее в своей любящей руке. Она – жемчужина огромной цены!

– Так и есть, отец, – согласился я и взерошил седые волосы Беокки, чтобы слегка его позлить.

Финан галопом подлетел ко мне:

– Мы готовы, господин.

– Открыть ворота! – крикнул я.

Повозка первой миновала широкую арку. Священные знамена опасно закачались, когда она двинулась по глубоким колеям дороги. Потом двести моих воинов в блестящих кольчугах тронулись за повозкой и повернули на запад.

Мы распустили знамена, резкие звуки рога возвестили о нашем отбытии; солнце освещало королевскую повозку.

Датчане клюнули на приманку.

И началась охота.

Повозка катилась впереди, громяхая по проселочной дороге, что приведет нас к пути на Винтанкестер. Проницательные датчане могли бы задуматься: почему мы, если хотим отступить в более крупный бург Винтанкестер, воспользовались северными воротами Эскенгама, а не западными, которые привели бы нас прямоком на винтанкестерскую дорогу? Но я сомне-

вался, что их опасения дойдут до Харальда. Вместо этого он услышит, что король Уэссекса бежит, оставив Эскенгам под защитой гарнизона, набранного из фирда.

Люди фирда редко оказывались испытанными воинами. В основном крестьяне и черно-рабочие, плотники и кровельщики, и Харальд, без сомнения, испытает искушение штурмовать стены города. Но я не верил, что он поддастся этому искушению, зная, что куда более ценный приз – сам Альфред – беззащитен. Датские разведчики поведают Харальду, что король Уэссекса находится на открытой местности, путешествуя в медленной повозке с жалкой парой сотен всадников. И войску Харальда – я не сомневался – будет отдан приказ пуститься в погоню.

Финан командовал моим арьергардом. Его работа заключалась в том, чтобы дать мне знать, когда вражеская погоня слишком приблизится.

Я оставался рядом с повозкой, и, как только мы добрались до винтанкестерской дороги в полумиле от Эскенгама, стройный всадник быстро подлетел ко мне.

То была Этельфлэд, одетая в длинную кольчугу, похоже сделанную из плотно сплетенных серебряных колец, поверх рубашки из оленьей кожи. Кольчуга туго обтягивала худенькое тело Этельфлэд, и я догадывался, что доспех застегивается на спине с помощью петель и пуговиц, потому что никто не может натянуть такую кольчугу через голову и плечи. Поверх кольчуги Этельфлэд носила белый плащ, подбитый красным; на ее боку висел меч в белых ножнах. Помятый старый шлем с нашечниками свисал с луки ее седла. Наверняка она воспользовалась шлемом, чтобы спрятать лицо, перед тем как мы покинули Эскенгам, к тому же из осторожности прикрыла свои бросающиеся в глаза плащ и кольчугу старым черным плащом, который швырнула в канаву перед тем, как ко мне присоединиться.

Этельфлэд ухмылялась и выглядела такой же счастливой, как раньше, до замужества. Потом она кивнула в сторону покачивающейся повозки:

– Это мой сводный брат?

– Да. Ты уже видела его.

– Нечасто. Как он похож на отца!

– Похож, – сказал я. – А ты не похожа, за что я благодарен.

Это замечание заставило ее рассмеяться.

– Где ты раздобыла кольчугу?

– Этельреду нравится, когда я ее ношу. Он заказал ее для меня во Франкии.

– Серебряные звенья? – спросил я. – Их можно проткнуть даже сучком!

– Вряд ли муж мечтал, чтобы я сражалась, – сухо проговорила Этельфлэд, – он просто желает мною щеголять.

Я подумал, что это можно понять. Этельфлэд красивая женщина, по крайней мере когда ее красота не затуманивалась несчастьем. Ясноглазая, с чистой кожей, пухлыми губами и золотыми волосами. Она была умной, как и ее отец, куда умнее мужа, но ее отдали за Этельреда по единственной причине: чтобы мерсийские земли объединились с Уэссексом Альфреда. В этом смысле, хоть и ни в каком другом, брак оказался успешным.

– Расскажи про Алдхельма, – попросил я.

– Ты его уже знаешь.

– Знаю, что не нравлюсь ему, – беззаботно отозвался я.

– А кому ты нравишься? – с ухмылкой спросила Этельфлэд.

Она придержала лошадь, оказавшуюся слишком близко к ползущей повозке. Поверх перчаток из мягкой кожи козленка Этельфлэд носила шесть ярких золотых браслетов с редкими драгоценными камнями.

– Алдхельм, – негромко проговорила она, – дает советы моему мужу, и он убедил Этельреда в двух вещах. Первая – что Мерсии нужен король.

– Твой отец этого не допустит.

Альфред предпочитал, чтобы Мерсия искала королевскую власть в Уэссексе.

– Мой отец не будет жить вечно. А во-вторых, Алдхельм убедил Этельреда, что королю нужен наследник.

Она увидела мою гримасу и засмеялась:

– Только не я! С меня довольно Эльфинн!

Этельфлэд содрогнулась:

– Я никогда еще не испытывала такой боли. Кроме того, мой дорогой муж презирает Уэссекс. Он презирает свою зависимость от Уэссекса. Ненавидит руку, которая его кормит. Нет, он хотел бы иметь наследника от какой-нибудь милой мерсийской девушки.

– Ты имеешь в виду...

– О, он меня не убьет, – бодро перебила она. – Но захочет со мной развестись.

– Твой отец никогда этого не допустит!

– Допустит, если меня уличат в супружеской неверности, – отозвалась Этельфлэд удивительно ровным тоном.

Я уставился на нее, не совсем веря своим ушам. Она увидела мою недоверчивость и встретила ее издевательской улыбкой:

– Что ж, ты ведь спросил меня об Алдхельме.

– Этельред хочет, чтобы ты...

– Да, – подтвердила Этельфлэд. – А потом он обречет меня на монастырь и забудет о моем существовании.

– И Алдхельм одобряет эту затею?

– Конечно одобряет, еще как! – Этельфлэд улыбнулась, как будто я задал глупый вопрос. – К счастью, у меня есть слуги из восточных саксов, которые защищают меня, но что будет после того, как отец умрет? – Она пожала плечами.

– Ты рассказала отцу?

– Да, только вряд ли он поверил. Но, само собой, отец верит в силу молитвы, поэтому послал мне гребень, принадлежавший святой Мильбурге, и со словами, что гребень придаст мне сил.

– Почему он не верит тебе?

– Думает, что я склонна к дурным фантазиям. А еще считает Этельреда очень преданным. И моя мать, конечно, обожает Этельреда.

– Так и есть, – мрачно проговорил я.

Жена Альфреда Эльсвит была озлобленным созданием и, как и Этельред, родом из Мерсии.

– Ты можешь попробовать пустить в ход яд, – предложил я. – Я знаю женщину в Лундене, которая готовит ужасные яды.

– Утред! – пожурила она меня.

Но прежде чем Этельфлэд успела сказать еще что-то, из арьергарда галопом прискакал один из людей Финана; копыта его лошади взметали облака земли, вырванной из луга у дороги.

– Господин! – закричал он. – Пора поторопиться!

– Осферт! – окликнул я, и наш ложный король со счастливым видом метнулся с повозки и запрыгнул в седло.

Он швырнул бронзовый обруч в телегу и натянул шлем.

– Брось ее! – крикнул я вознице. – Скати в канаву!

Возница ухитрился сделать так, что два колеса повозки оказались в канаве, так мы и оставили тяжелый экипаж – опрокинутым, со все еще впряженными в него лошадьми.

Финан и наш арьергард с громким стуком копыт неслись по дороге, а мы помчались перед ними к небольшому лесу, где я подождал, пока Финан нас не догонит. Сразу же после того, как он нас догнал, показались первые датчане. Они нещадно погоняли лошадей, но я

рассчитывал, что брошенная повозка с бросающимися в глаза украшениями задержит их на несколько мгновений. Так и случилось – первые преследователи закрутились вокруг экипажа, а мы свернули в сторону.

– Это будто скачки, – сказал мне Финан.

– И наши лошади быстрее, – согласился я.

Наверное, так и было. Датчане сидели на конях, которых смогли захватить их мародерствующие отряды, в то время как мы ехали на лучших верховых скакунах Уэссекса. Я бросил последний взгляд на спешившихся врагов – те лезли в повозку, – потом ринулся дальше вглубь леса.

– Сколько их там? – крикнул я Финану.

– Несколько сотен, – ухмыляясь, отозвался он.

Значит, рассудил я, все воины войска Харальда, способные оседлать лошадь, присоединились к погоне. Харальд испытывал экстаз победителя. Его люди разграбили весь Восточный Уэссекс, а теперь он не сомневался, что прогнал армию Альфреда из Эскенгама, открыв, таким образом, датчанам путь к разграблению всего центра страны.

Однако перед тем, как заняться этими приятными делами, он хотел захватить самого Альфреда, поэтому его люди бешено гнались за нами. Харальда не заботила их слабая дисциплина, он верил в свою удачу.

То была дикая охота, и Харальд дал волю своим людям, послав их, чтобы они привезли ему короля Уэссекса.

Мы вели их, заманивали и искушали.

Даже не скакали так быстро, как могли бы, вместо этого старались не терять из виду преследующих нас датчан. А они только лишь раз нас перехватили.

Райпер, один из лучших моих людей, ехал далеко справа от нашего отряда, и его лошадь угодила копытом в кротовую нору. Он находился в тридцати шагах от меня, но я услышал треск сломавшейся кости, увидел, как Райпер падает, как его лошадь бьет копытами, рухнув с воплем боли.

Я повернул к нему Смоку и заметил маленькую группу датчан – они быстро приближались.

– Копье! – крикнул я одному из моих воинов.

Схватив тяжелое копье с древком из ясеня, я поскакал прямо к датчанам, что были впереди и мчались убить Райпера.

Финан повернул вместе со мной, как и дюжина других моих людей, и враги, увидев нас, попытались свернуть в сторону, но Смока уже стучал копытами по земле, раздувая ноздри, и я опустил копье и угодил ближайшему датчанину в грудь. Ясеновое древко задрожало, моя рука в перчатке скользнула вдоль древка, но наконечник вонзился глубоко. Кровь хлынула и потекла между звеньями кольчуги датчанина.

Я выпустил копье.

Умирающий еще оставался в седле, когда второй противник замахнулся на меня мечом, но я отбил удар щитом и, надавив коленями на бока Смоки, повернул его, в то время как Финан рубанул своим длинным клинком по лицу третьего датчанина. Я выхватил поводья у того, которого пронзил копьем, и потащил его лошадь к Райперу.

– Сбрось ублюдка и садись! – крикнул я.

Выжившие датчане отступили. Их было меньше дюжины – предвестники, чьи кони оказались самыми быстрыми. Подкрепление не сразу смогло прийти к ним на помощь, и к тому времени мы, целые и невредимые, уже усаkali прочь.

Ноги Райпера были слишком короткими и не доставали до стремян его новой лошади; он ругался, цепляясь за седельную луку.

Финан улыбался.

– Это их разозлит, господин, – пробормотал он.

– Так и должно быть.

Мне нужно было, чтобы они стали безрассудными, беспечными и самоуверенными. Этим летним днем, во время скачки по дороге вдоль извилистого ручья, по густорастущим василькам, Харальд делал все, чего я мог бы от него пожелать.

Был ли я самоуверенным? Это опасно – решить, что твой враг сделает все, что ты захочешь, но в тот День Тора я испытывал крепнущее убеждение, что Харальд следует прямо в тщательно подготовленную ловушку.

Дорога вела к броду, где мы могли пересечь реку, чтобы добраться до Феарнхэмма. Если бы мы и вправду следовали в Винтанкестер, мы бы остались к югу от реки и держались римской дороги, ведущей на запад. Я хотел, чтобы датчане поверили: именно таковы наши намерения. Нужно, чтобы преследователи нас видели. Они должны думать, что мы колеблемся; я хотел, чтобы в конце концов они решили, что мы запаниковали.

Местность была открытой – заливной луг, где крестьяне пасли коз и овец. К востоку, там, откуда скакали датчане, рос лес, к западу простиралась дорога – Харальд ожидал, что мы двинемся именно по ней, – а к северу виднелись осыпающиеся каменные быки моста, который римляне перебросили через Уэй. Феарнхэмм и его низкий холм находились у дальней стороны разрушенного моста.

Я уставился на холм и не увидел на нем войск.

– Я велел, чтобы Алдхельм был там! – прорычал я, указывая на холм.

– Господин! – предупреждающе закричал Финан.

Преследующие нас датчане собрались на краю леса в полумиле к востоку. Они ясно видели нас и понимали, что нас слишком много, чтобы атаковать до тех пор, пока не подтянутся их товарищи. Но это подкрепление могло прибыть в любую минуту.

Я снова посмотрел на другой берег реки – ни души. Холм, с его древним земляным валом, должен был стать моей наковальней, усиленной пятьюстами мерсийскими воинами, однако он был пустым. Хватит ли двухсот моих людей?

– Господин! – снова окликнул Финан.

Датчане, теперь превосходившие нас в численности два к одному, послали лошадей к нам.

– Через брод! – заорал я.

Я все равно захлопнул ловушку – и мы ударили в бока наших усталых коней, направляя их через глубокий брод, лежавший вверх по течению рядом с мостом. Едва оказавшись на другом берегу, я крикнул своим людям, чтобы они галопом скакали к вершине холма. Я стремился создать видимость паники. Хотел, чтобы все выглядело так, будто мы отказались от желания добраться до Винтанкестера и вместо этого искали убежища на ближайшем холме.

Мы проскакали через Феарнхэмм.

Это была кучка хижин с соломенными крышами, стоящих вокруг каменной церкви, хотя там имелось и одно прекрасное римское здание, потерявшее свою черепичную кровлю. Жителей не было видно, только единственная корова жалобно мычала, потому что ее требовалось подоить.

Я решил, что народ бежал, заслышав о приближающихся датчанах.

– Надеюсь, твои чертовы люди на холме! – бросил я Этельфлэд, которая держалась рядом со мной.

– Они там будут! – закричала она в ответ.

Ее голос звучал уверенно, но я сомневался. Первый долг Алдхельма, по крайней мере согласно приказам ее мужа, заключался в том, чтобы сохранить мерсийскую армию нетронутой. А что, если он просто отказался приближаться к Феарнхэмму? Если так, тогда мне придется сражаться с войском датчан, имея всего две сотни человек, а враги быстро приближались.

Они чуяли запах победы и погнали своих лошадей через реку, а затем – по улице Феарнхэмма.

Я уже слышал их вопли.

А потом добрался до поросшего травой вала – древнего укрепления и, едва Смока перелез через его вершину, увидел, что Этельфлэд права. Алдхельм пришел и привел пять сотен человек. Все они были там, но Алдхельм держал их на северной стороне старого укрепления, чтобы их не увидел враг, приближающийся с юга.

Итак, в точности как я и планировал, у меня имелось на холме семьсот человек. И я надеялся, что еще семьсот придут из Эскенгама. Между этими двумя войсками находились каких-то две тысячи буйных, беспечных, слишком самоуверенных датчан, которые верили, что собираются воплотить в жизнь старую мечту викингов – завоевать Уэссекс.

– «Стена щитов»! – закричал я своим людям. – «Стена щитов»!

Датчан требовалось на некоторое время сдерживать, а самым лучшим способом это сделать было показать им «стену щитов» на вершине холма.

Несколько мгновений царил хаос, пока люди соскальзывали с седел и взбирались на гребень вала, но это были хорошие воины, отлично обученные, и их щиты быстро сомкнулись друг с другом.

Преследователи, появившись из-за домов внизу на склоне холма, увидели стену окованных железом ивовых досок, увидели копья, мечи и топоры, увидели, насколько крут склон, – и их яростная атака оборвалась.

Десятки людей пересекали реку, и еще больше выезжали из-за деревьев на южном берегу, поэтому через несколько мгновений у них будет более чем достаточно воинов, чтобы одолеть мою короткую «стену щитов»... Но пока они медлили.

– Знамена! – крикнул я.

Мы взяли с собой наши знамена – мой флаг с волчьей головой и знамя Уэссекса с драконом, и я хотел, чтобы они развевались, бросая вызов людям Харальда.

Алдхельм, высокий, с землистой физиономией, подошел, чтобы поприветствовать меня. Он терпеть меня не мог, и это отражалось на его лице, но оно также выражало удивление: он увидел, сколько датчан направляется к броду.

– Раздели своих людей на два отряда, – уверенно приказал я ему, – и построь их слева и справа от моих воинов. Райпер!

– Господин?

– Возьми дюжину человек и привяжи лошадей!

Наши брошенные кони бродили по вершине холма, и я боялся, что некоторые из них перейдут на другую сторону вала.

– Сколько там датчан? – спросил Алдхельм.

– Достаточно, чтобы мы получили день хорошей резни, – отозвался я. – А теперь приведи сюда своих людей.

Он ошетинился, услышав мой тон. Алдхельм был худым, элегантным, в роскошной длинной кольчуге с пришитыми к ее звеньям бронзовыми полумесяцами, в плаще из голубого льна, подбитого красной тканью, с двумя витками тяжелой золотой цепи вокруг шеи, в сапогах и перчатках из черной кожи. Его пояс украшали золотые кресты. Длинные черные волосы, надутые и умащенные маслом, скреплял гребень – зубья из слоновой кости, вставленные в золотую оправу.

– Я уже получил приказы, – холодно заметил он.

– Да, привести сюда твоих людей. Здесь есть датчане, которых нужно убить.

Он не любил меня с тех пор, как я испортил его красивое личико, сломав ему челюсть и нос, хотя в тот далекий день он был вооружен, а я – нет. Он с трудом заставлял себя на меня смотреть. Вместо этого уставился на датчан, собирающихся у подножия холма.

– Мне дали наставления, – парировал он, – сохранить войска господина Этельреда.

– Наставления изменились, господин Алдхельм, – произнес позади нас жизнерадостный голос.

Алдхельм повернулся и удивленно воззрился на Этельфлэд. Та сидела на коне и улыбалась ему.

– Моя госпожа, – приветствовал он, поклонившись.

Потом перевел взгляд на меня:

– Господин Этельред здесь?

– Мой муж послал меня, чтобы отменить его последние приказы, – милым голосом произнесла Этельфлэд. – Теперь он так уверен в победе, что требует, дабы ты остался здесь, несмотря на численность противостоящих нам врагов.

Алдхельм начал было возражать, потом вспомнил, что, как предполагается, я не знаю, какие приказы отданы ему Этельредом.

– Тебя послал твой муж, моя госпожа? – вместо этого уточнил он, явно сбитый с толку неожиданным появлением Этельфлэд.

– А как же еще я могла бы тут очутиться? – ответила она вопросом на вопрос, еще больше запутав его. – И если бы существовала настоящая опасность, господин, разве мой муж разрешил бы мне явиться сюда?

– Нет, моя госпожа. – В голосе Алдхельма большой убежденности я не услышал.

– Итак, мы собираемся сражаться!

Этельфлэд выкрикнула это громко, обращаясь к мерсийским войскам.

Она повернула свою серую кобылу так, чтобы мерсийцы могли видеть ее лицо и лучше слышать ее голос:

– Мы собираемся убить датчан! И мой муж послал меня, чтобы я засвидетельствовала вашу храбрость, так не разочаровывайте меня! Убейте их всех!

Они разразились приветственными криками.

Этельфлэд поехала вдоль их рядов, и они радостно вопили. Я всегда думал, что Мерсия – жалкое место, побежденное и угрюмое, лишенное короля и угнетенное, но в тот момент увидел, как Этельфлэд, светящаяся в своей серебряной кольчуге, смогла пробудить в мерсийцах энтузиазм. Они любили ее. Я знал, что они не слишком любят Этельреда, Альфред был далек от них и, кроме того, был королем Уэссекса, но Этельфлэд их вдохновляла. Она дарила им гордость.

Датчане все еще собирались у подножия холма. Туда, должно быть, добрались уже триста человек, они спешили и построились «стеной щитов». Враги все еще могли видеть только двести моих воинов, но пора было подсластить наживку.

– Осферт! – крикнул я. – Залезай обратно на лошадь, а потом поезжай и будь величественным.

– Это обязательно, господин?

– Да, обязательно!

Мы заставили Осферта остановить лошадь под знаменами. Он был в плаще, теперь на нем был шлем, на который я набросил собственную золотую цепь, чтобы издали это выглядело как шлем с короной.

При виде его датчане принялись реветь оскорбления. Осферт казался достаточно царственным, хотя любой, знакомый с Альфредом, понял бы, что это не король Уэссекса, просто потому, что вокруг него не толпились священники. Но я решил, что Харальду ни за что не заметить такого упушения.

Забавляясь, я смотрел, как Этельфлэд, которую явно интересовал ее сводный брат, поставила свою лошадь рядом с его скакуном.

Потом повернулся и глянул на юг, где все новые датчане переправлялись через реку.

Пока я жив, мне не забыть этого зрелища. За рекой все было покрыто датскими всадниками, копыта их скакунов взбивали пыль, когда воины спешили к броду, полные желания присутствовать при уничтожении Альфреда и его королевства. Через реку хотело переправиться так много людей, что им приходилось ждать, и собравшиеся на дальней стороне брода бурлили огромной тучей.

Алдхельм приказал своим людям двинуться вперед. Он делал это против желания, но Этельфлэд вдохновила его воинов, и он был пойман в ловушку ее презрения и их энтузиазма.

Датчане у подножия холма увидели, как мой короткий строй удлиняется, увидели, как в нем появляется все больше щитов и клинков, все больше знамен. Они все еще превосходили нас в численности, но теперь им потребовалась бы половина их армии, чтобы атаковать холм.

Человек в черном плаще, с боевым топором с красной рукоятью выстраивал людей Харальда. По моим расчетам, теперь во вражеской «стене щитов» стояло пятьсот человек, и то и дело прибывали новые. Некоторые датчане остались верхом; я предположил, что они собираются обогнуть нас и напасть с тыла, когда «стены щитов» столкнутся.

Вражеский строй был всего в паре сотен шагов от нашего, достаточно близко, чтобы я видел нарисованных на их щитах с железными умбонами⁴ топоры, воронов, орлов и змей.

Некоторые датчане начали колотить оружием по щитам – то был гром войны. Другие выли, что мы – сосунки, ублюдки коз.

– Какие шумные, а? – заметил рядом со мной Финан.

Я только улыбнулся.

Он поднял обнаженный меч к обрамленному шлемом лицу и поцеловал клинок:

– Помнишь ту фризскую девушку, которую мы нашли на болотах? Она была шумной.

Странно, о чем думает человек перед битвой. Та фризская девушка спаслась от датского рабовладельца и была в ужасе. Я гадал – что потом с ней случилось.

Алдхельм нервничал, да так, что превозмог свою ненависть ко мне и встал рядом.

– Что, если подмога не явится? – поинтересовался он.

– Тогда каждому из нас придется убить по два датчанина, прежде чем остальные враги падут духом, – ответил я с фальшивой уверенностью.

Если семь сотен людей Альфреда не придут, тогда мы будем окружены, смяты и перерезаны.

Через реку переправились лишь около половины датчан, потому что они забили узкий брод, и все новые всадники текли с востока, чтобы присоединиться к толпе, ожидающей своей очереди пересечь Уэй.

В Феарнхэмме датчане стаскивали с домов соломенные крыши в поисках сокровищ. Недоенная корова лежала на улице мертвой.

– Что... – начал было Алдхельм, потом заколебался. – Что, если войска Альфреда придут слишком поздно?

– Тогда все датчане переправятся через реку.

– И нападут на нас, – добавил Финан.

Я знал: Алдхельм думает об отступлении. Позади нас, на севере, холмы повыше обещали лучшую защиту. И может быть, если мы отступим достаточно быстро, то сможем переправиться через Темез прежде, чем датчане поймут нас и уничтожат. Потому что, если люди Альфреда не придут, мы наверняка умрем.

В это мгновение я ощутил, как холодная змея-смерть скользит у моего сердца, которое стучало, как военный барабан.

«Проклятие Скади», – подумал я – и внезапно понял, на какой огромный риск я пошел. Я исходил из того, что датчане будут делать в точности то, чего я от них хочу, и армия восточных

⁴ Умбон – металлическая бляха-накладка, прикрывающая рукоятку щита с наружной стороны.

саксов появится как раз в нужный момент, но вместо этого мы застряли на низком холме, а наш враг становился все сильнее.

На дальнем берегу реки все еще виднелась огромная толпа, но меньше чем через час вся армия Харальда переправится через реку. Я почувствовал приближение неминуемой катастрофы и страх полного поражения. Припомнилась угроза Харальда ослепить меня, кастрировать, а потом водить на веревке – и пальцы коснулись амулета-молота и погладили рукоять Вздоха Змея.

– Если войска восточных саксов не появятся... – начал Алдхельм подчеркнуто мрачным голосом.

– Слава богу! – перебила позади нас Этельфлэд.

Потому что у далеких деревьев мелькнуло отражение солнечного света в металле.

И появились новые всадники. Сотни всадников. Армия Уэссекса пришла.

А датчане попали в ловушку.

* * *

Поэты преувеличивают. Они живут словами, и мои домашние барды боятся, что я перестану швырять им серебро, если они не будут преувеличивать. Я помню стычку, в которой погибла, может, дюжина людей, но в пересказе поэтов убитых насчитывается тысячи. Я вечно кормлю воронов в этих бесконечных декламациях, но ни один поэт не смог бы преувеличить резню, что произошла в День Тора на берегах реки Уэй.

К тому же это была быстрая резня. Большинство битв начинаются не сразу, требуется время, чтобы обе стороны собрались с духом, обменялись оскорблениями и понаблюдали, что собирается сделать враг. Но Стеапа, возглавляя семьсот воинов Альфреда, увидел неразбериху на южном берегу реки и, как только собрал достаточно человек, ринулся в конную атаку.

Позже Стеапа рассказал, что Этельред хотел подождать до тех пор, пока не подтянутся все семь сотен, но Стеапа не обратил внимания на его совет. Он начал атаку с тремясками воинами, позволив остальным догонять их, выезжая из-за деревьев на открытую местность.

Три сотни воинов атаковали тыл врага – наименее рьяную часть войска Харальда, которая ожидала своей очереди переправиться через реку. То были увальни, слуги и мальчишки, женщины и дети, и почти все они были обременены награбленным. Никто из них не был готов к бою; никакой «стены щитов», у некоторых вообще щитов не оказалось.

Датчане, что больше всех рвались в битву, уже переправились через реку и строились, чтобы атаковать холм. У них ушло некоторое время для осознания того, что на дальнем берегу реки началась ужасная бойня.

– Это было все равно что убивать поросят, – позже сказал мне Стеапа. – Много визга и крови.

Всадники врезались в датчан.

Стеапа возглавлял гвардейцев Альфреда, моих оставшихся людей и закаленных в битве воинов из Вилтунскира и Суморсэта. Они жаждали боя, скакали на хороших лошадях, были вооружены лучшим оружием, и их атака учинила хаос.

Датчане, не в силах построиться «стеной щитов», попытались бежать, но единственное безопасное место находилось по другую сторону брода, а брод перекрыли люди, ожидавшие переправы. Поэтому паникующий враг рвал собственных воинов, уничтожив любой шанс на то, чтобы составить «стену щитов», а воины Стеапы – огромные всадники – рубили, полосовали и кололи, прорубая себе путь через толпу.

Все новые саксы появлялись из леса, чтобы присоединиться к битве.

Лошади ступали по лужам крови, мечи и топоры крушили и резали все на своем пути.

Альфред выдержал скачку, несмотря на боль, которую причиняло ему пребывание в седле, и наблюдал за происходящим от края леса, в то время как священники и монахи возносили хвалы своему Богу за истребление язычников, которые сделали красными заливные луга на южном берегу реки Уэй.

Эдуард, хрупкий молодой человек, сражался вместе со Стеапой. После боя Стеапа был полон гордости за него.

– Он храбр, – сказал мне Стеапа.

– Искусством меча владеет?

– Он быстро орудует запястьем, – одобрительно проговорил Стеапа.

Этельред раньше Стеапы понял, что рано или поздно всадников остановит простой напор тел, и уговорил олдермена Этельнота из Суморсэта спешить сотню его людей и построить их «стеной щитов».

Эта «стена» неуклонно шла вперед, и чем больше коней саксов погибали или получали раны, тем больше людей присоединялось к «стене щитов». Она продвигалась как ряд жнецов с серпами в руках. Сотни датчан погибли. На южном берегу, под высоким солнцем, бушевала резня, и враги даже не предприняли попытки построиться и дать отпор. Они умирали, или пересекали реку, или попадали в плен.

Однако около половины войска Харальда успело пересечь брод, и эти люди рвались в бой. Даже когда позади них началась резня, они двинулись на холм, чтобы нас убить.

Появился и сам Харальд; слуга вел за ним вычную лошадь. Харальд выступил на несколько шагов из своей удлиняющейся «стены щитов», чтобы убедиться – мы видим ритуал, которым он пугал врагов. Он встал к нам лицом, огромный в плаще и кольчуге, и раскинул руки, как будто его распяли. В правой руке он держал массивный боевой топор. Взревев, что мы будем кормить собой склизких червей смерти, он убил лошадь топором. Для этого ему потребовался всего один удар, и животное еще дергалось в предсмертных судорогах, когда Харальд вскрыл лошадиный живот и сунул свою непокрытую голову в кровавые внутренности.

Мои воины молча наблюдали за этим. Харальд, не обращая внимания на бьющие копыта, подержал голову глубоко в лошадином брюхе, потом встал и повернулся, чтобы показать окровавленное лицо, пропитанные кровью волосы и густую бороду, с которой капала кровь.

Харальд Кровавые Волосы был готов к битве.

– Тор! – прокричал он, запрокинув лицо и воздев топор к небу. – Тор!

Он указал топором на нас.

– Теперь мы убьем вас всех! – завопил он.

Слуга принес ему огромный щит с нарисованным на нем топором.

Я не уверен, что Харальд заметил происходящее на дальнем берегу реки, – этот берег скрывали от него дома Феарнхэмма. Он мог предполагать, что саксы атакуют с тыла; вообще-то, конунг должен был все утро получать донесения о битве. Как рассказал мне Стеапа, преследующие саксы то и дело встречались с оставшими датчанами на дороге, идущей от Эскенгама. Вот только внимание Харальда было сосредоточено на холмах Феарнхэмма, где, как он считал, угодил в ловушку Альфред. Он мог проиграть битву на южном берегу и все-таки выиграть королевство на северном. Поэтому Харальд повел своих людей вперед.

Я собирался позволить датчанам атаковать нас в надежде на то, что древний земляной вал даст нам дополнительную защиту, но, когда строй Харальда двинулся вперед с оглушительным ревом ярости, я увидел, как они уязвимы. Харальд, может, и не сознавал, какая беда обрушилась на его отряды на другом берегу реки, зато многие его воины поворачивались, пытаясь разглядеть, что же там происходит. Люди, опасаящиеся нападения с тыла, не будут сражаться со всем жаром. Мы должны их атаковать.

Я вложил в ножны Вдох Змея и вытащил Осиное Жало, свой короткий меч.

– «Свиная голова»! – закричал я. – «Свиная голова»!

Мои люди поняли, чего я хочу.

Они повторяли это сотни раз, прежде чем попытались выполнить маневр в бою, но теперь часы практики окупились сполна, когда я повел их с земляного вала и через ров.

«Свиная голова» – это клин, наконечник копья из людей, и я не знал более быстрого способа сломать «стену щитов». Я шел впереди, хотя Финан пытался оттеснить меня в сторону.

Датчане замедлили шаг, – возможно, их удивило, что мы покинули вал, а может, они наконец поняли, что ловушка захлопнулась. Единственный способ выбраться – уничтожить нас. Харальд точно осознал это и проревел приказ идти вверх по склону. Я же кричал своим людям, чтобы они поторапливались.

Этот бой начался так быстро. Я вел клин вниз по некрутому спуску, а Харальд понукал своих людей, чтобы те двигались вверх, но датчане были сбиты с толку, они вдруг начали бояться, и «стена» врагов стала распадаться еще до того, как мы до нее добрались. Некоторые воины послушались Харальда, другие попятись, поэтому строй их прогнулся. Но в центре, где развевалось знамя с черепом волка и топором, остатки «стены щитов» держались твердо. Там собралась корабельная команда Харальда, и именно туда был нацелен мой клин.

Мы издавали оглушительный боевой клич. Окованный железом щит тяжело давил на мою левую руку, Осиное Жало было отведено назад. Этот меч с коротким клинком предназначался для колющих ударов. Вздох Змея был изумительным мечом, но длинным, как топор с длинным топорщиком, и мог стать помехой в битве в «стене щитов».

Я знал, что, когда мы врежемся во вражеский строй, придется прижиматься к врагам так же тесно, как прижимался бы к любовнице, и что в подобной давке именно короткий меч станет смертоносным.

Я нацелился на самого Харальда. Он не надел шлема, полагаясь на то, что блестящая на солнце кровь приведет в ужас его врагов. Датчанин и впрямь приводил в ужас: огромный здоровяк, рычащий, с дикими глазами. С его слипшихся волос капало красное, на его щите было изображено лезвие топора. Оружием ему служил боевой топор с короткой рукоятью и тяжелым лезвием.

Он вопил, как демон, не сводя с меня глаз; ощеренный рот кровавой маски.

Помню, когда мы рвались вниз по склону холма, я подумал, что он пустит в ход топор, чтобы меня рубануть. Тогда мне придется вскинуть щит, а сосед Харальда, смуглый человек с коротким мечом, сунет клинок под нижний край моего щита и выпотрошит меня.

Но справа бежал Финан, и это означало, что смуглый датчанин обречен.

– Убейте их всех! – прокричал я воинский клич Этельфлэд. – Убейте их всех!

Я даже не повернулся, чтобы посмотреть, ведет ли Алдхельм своих людей вперед, но он их вел.

Все, что я чувствовал, – это страх перед боем в «стене щитов» и подъем духа перед боем в «стене щитов».

– Убейте их всех! – вопил я.

И щиты врезались друг в друга.

Поэты говорят, что в Феарнхэмме явились шесть тысяч датчан, а иногда исчисляют их десятком тысяч. Без сомнения, чем старше будет становиться эта история, тем больше будет численность наших врагов.

По правде говоря, я думаю, что Харальд привел около шестнадцати сотен человек, потому что часть его армии осталась у Эскенгама. А сейчас у него было больше людей, чем тогда у Эскенгама и Феарнхэмма. Он приплыл из Франкии примерно на двухстах судах, и на этих судах могли находиться пять или шесть тысяч воинов, но меньше половины из них нашли лошадей, и не все всадники прискакали к Феарнхэмму. Некоторые задержались в Кенте, где заявили свои права на захваченную землю, другие грабили Гodelмингам.

Итак, сколько же нам противостояло людей? Возможно, половина войск Харальда пересекла реку, когда мои войска и воины Алдхельма атаковали. Не больше восьмисот человек. Причем некоторые из датчан даже не стояли в «стене щитов», а все еще искали добычу в домах Феарнхэмма.

Поэты говорят мне, что враги превосходили нас числом, но, по-моему, на нашей стороне сражалось больше воинов.

И мы были более дисциплинированы. И еще у нас имелось преимущество: мы находились выше людей Харальда. И вот мы ударили в его «стену».

Я нанес удар щитом. Чтобы «свиная голова» сработала, атака должна быть быстрой и жесткой.

Помню, я вновь прокричал воинский клич Этельфлэд:

– Убейте их всех! – И потом прыжком одолел последнее разделяющее нас пространство, вложив весь свой вес в левую руку с тяжелым щитом.

Мой щит врезался в щит Харальда, так что того отбросило назад. Я ткнул Осиным Жалом под нижним краем своего круглого щита. Клинок ударил и пронзил. Момент неясности, замешательства. Я знаю, что Харальд обрушил свой топор, потому что его лезвие искалечило кольчугу у меня на спине, хотя и не коснулось кожи. Мой внезапный прыжок, должно быть, вынес меня за пределы досягаемости топора. Позже я выяснил, что мое плечо превратилось в сплошной темный кровоподтек, и понял, что сюда попало топорное, но во время боя я не почувствовал боли.

Называю это боем, но вскоре все было кончено.

Что я помню, так это как пронзало Осиное Жало, помню ощущение клинка, вошедшего в плоть. Я понял, что ранил Харальда, но потом тот вывернулся, уйдя влево, отброшенный в сторону весом и скоростью нашей атаки, и Осиное Жало высвободилось.

Финан справа прикрывал меня щитом, когда я врезался во второй ряд и опять сделал выпад Осиным Жалом, продолжая двигаться вперед.

Я ударил датчанина железным умбоном и увидел, как копье Райпера вышибло ему глаз.

В воздухе висел запах крови, звучали вопли, чей-то меч мелькнул справа от меня, пройдя между щитом и моим туловищем. Я просто продолжал идти вперед, а Финан полоснул коротким мечом по руке напавшего на меня. Вражеский меч бессильно упал.

Теперь я двигался медленно, толкая людей впереди, в то время как меня толкали те, кто шел сзади. Я делал Осиным Жалом короткие сильные выпады, и в моих воспоминаниях эта часть битвы вершилась в полной тишине.

Конечно же, тишины быть не могло, но так мне кажется, когда в памяти всплывает битва при Феарнхэмме.

Я вижу гримасы. Вижу мелькание клинков. Вспоминаю, как присел, толкая вперед. Я помню взмах топора слева от меня и как Райпер поймал топор на щит и щит его раскололся. И как споткнулся о труп лошади, которую Харальд принес в жертву Тору, но меня потянул вверх датчанин и попытался выпотрошить меня коротким клинком. Этот клинок остановила золотая пряжка моего пояса, и я помню, как резанул Осиным Жалом промеж ног врага и дернул клинок назад, а потом наблюдал, как глаза датчанина распахнулись от ужасной боли. А после он внезапно исчез, и – так же совершенно внезапно – передо мной не осталось больше щитов. Впереди были лишь огород с овощами, навозная куча да домик – его изувеченная соломенная кровля грудой лежала на земле. Я помню все это, но я не помню никакого шума.

Позже Этельфлэд сказала мне, что наша «свиная голова» прошла прямо через строй Харальда. Так, должно быть, это выглядело с вершины холма, откуда она наблюдала, хотя мне все это казалось медленной и тяжелой работой. Но мы и вправду прошли сквозь строй датчан, раскололи «стену щитов» Харальда, и теперь должна была начаться бойня.

Без «стены щитов», где сосед помогает соседу, каждый датчанин сражался сам за себя, а наши люди, восточные саксы и мерсийцы, все еще стоявшие в строю – щит сомкнут со щитом, – резали, полосовали и пронзали обезумевших врагов.

Паника распространилась быстро, как огонь на сухом жнивье. Датчане бежали, и я жалел лишь о том, что наши лошади остались на вершине холма, под охраной мальчишек, иначе мы пустились бы в погоню и перебили бы врагов.

Но некоторые люди Харальда пытались сопротивляться. Всадники, те, что готовились обогнуть холм и напасть на нас сзади, ринулись на нашу «стену щитов», однако лошади не очень-то хотели атаковать плотные ряды. Датчане колотили копьями по щитам, заставив наш строй прогнуться, к тому же к ним присоединились другие. «Свиная голова» потеряла форму клина, но мои люди оставались вместе, и я повел их навстречу внезапной яростной атаке.

Конь попятился от меня, молотя копытами, и я принял на щит гремящие удары. Жеребец щелкнул на меня зубами, а его всадник рубанул сверху вниз мечом; железный край щита остановил клинок. Мои люди окружили атакующих, которые осознали опасность и оттянулись назад... И тут я впервые увидел, зачем они вообще атаковали.

Они пытались спасти Харальда. Два моих воина захватили его знамя – окрашенный красным волчий череп на древке со штандартом, изображающим лезвие топора, – но сам Харальд лежал в крови среди горошка.

Я закричал, что мы должны его захватить, но на моем пути был конь, и его всадник все еще дико размахивал мечом. Я вонзил Осиное Жало в лошадиное брюхо и увидел, как Харальда тащат назад за лодыжки. Огромный датчанин перебросил своего конунга через седло, а другие повели лошадь прочь. Я хотел добраться до них, но Осиное Жало застряло в теле содрогающегося коня, всадник которого все еще тщетно пытался меня убить, поэтому я выпустил рукоять короткого меча, схватил врага за запястье и дернул. Раздался вопль, когда конник свалился с седла.

– Убей его! – прорычал я человеку, стоявшему рядом со мной, и высвободил Осиное Жало.

Но было поздно: датчане ухитрились вытащить раненого Харальда. Я вложил Осиное Жало в ножны и взялся за Вздох Змея.

В этот день сражения в «стене щитов» закончены. Теперь мы будем охотиться за датчанами по переулкам Феарнхэмма и за его пределами.

* * *

Большинство людей Харальда бежали на восток, но не все. Две наши атаки раскололи орду датчан, стиснули ее, и некоторым пришлось спасаться на западе, углубляясь в Уэссекс.

Теперь реку пересекали первые всадники-саксы, преследующие беглецов. За датчанами, которые убегут от этой погони, будут охотиться крестьяне. Тех, что бежали на восток, увозя своего раненого вождя, было больше, и они приостановились в полумиле от Феарнхэмма, чтобы собраться с силами. Но как только появились сакские всадники, эти датчане продолжили отступление. И в Феарнхэмме тоже все еще оставались враги. Они укрылись в домах, где мы охотились на них, как на крыс.

Датчане молили о пощаде, но мы не даровали ее, потому что все еще были рабами неистового желания Этельфлэд.

Я убил человека на навозной куче, рубанув его Вздохом Змея и располозовав его горло наконечником меча. Финан в погоне за двумя датчанами ворвался в дом, и я поспешил за ним, но оба врага были уже мертвы к тому времени, как я влетел в дверь.

Финан швырнул мне золотой браслет, а потом мы оба окунулись в освещенный солнцем хаос.

Всадники галопом скакали по улице, выискивая врагов. Я услышал крик позади хижины, мы с Финаном побежали туда и увидели огромного датчанина – на руках его блестели серебряные и золотые браслеты, на шее висела золотая цепь; он сражался с тремя мерсийцами. Я понял, что это капитан корабля, человек, который привел свои команды на службу Харальду в надежде найти себе земли в стране восточных саксов. Но вместо земель нашел могилу в краю восточных саксов.

Он был умелым и быстрым, его меч и помятый щит сдерживали атакующих, а потом датчанин увидел меня и по моему военному снаряжению распознал во мне богача. В тот же миг трое мерсийцев шагнули назад, чтобы предоставить мне привилегию убить здоровяка.

– Крепко держи свой меч, – сказал я ему.

Тот кивнул. Он взглянул на амулет-молот, висящий у меня на шее. Датчанин потел, но не от страха. То был теплый день, а все мы были в кожаной одежде и кольчугах.

– Жди меня в пиршественном зале, – сказал я.

– Меня зовут Отар.

– Утред.

– Отар Наездник Шторма, – представился он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.